

**70-летию Владимира
Григорьевича Бахмутова
посвящается...**

***НЕ ПРЕРВАТЬ
СВЯЗУЮЩУЮ НИТЬ***

Горно-Алтайск, 2018

ББК 63.3. (2 Рос=АлТ)

К 16

Печатается по решению редакционного совета ПАНИ РА от
16.08.2018 г.

Не прервать связующую нить: сборник /под редакцией А.И. Гурьева. - Горно-Алтайск: Изд-во «Ладомир», 2018. – ??? с.

Составитель и автор предисловия:

Гурьев Александр Иванович – доктор педагогических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, почётный работник высшей школы Российской Федерации, академик Петровской академии наук и искусств, международный журналист.

Рецензент:

Медведев Иван Федорович – доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, почётный работник высшей школы Российской Федерации, академик Петровской академии наук и искусств.

Эта книга посвящена биографии замечательного человека, настоящего патриота России, члена союза писателей Российской Федерации, члена Петровской академии наук и искусств Бахмутова Владимира Григорьевича отражённой в его произведениях. В ней также нашли отражение материалы о известных людях Чойского района – земляках Владимира Григорьевича и воспоминания старожилов этой благословенной земли.

© Петровская академия наук и искусств России, 2018

© Гурьев А.И., 2018

*Отделение Петровской Академии наук и искусств
Республики Алтай выражает благодарность
за активное содействие в выпуске книги
главе Чойского района
Михаилу Юрьевичу Маргачёву*

*А также литературному редактору издания:
кандидату филологических наук, доценту
Горно-Алтайского государственного университета
Татьяне Петровне Шестиной
за творческую работу
по совершенствованию книги.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Гурьев Александр Иванович –
доктор педагогических наук, профессор
Горно-Алтайского
государственного университета,
почетный работник высшей школы
РФ, академик Петровской академии наук и
искусств России, международный журналист.*

В те яркие светлые дни, когда на восходе солнце своими первыми рожденными лучами озаряет горные хребты и вершины Алтая, и они, словно хрустальные храмы, сверкают белым золотом снега и льда, касаясь своими шпильями бездонной синевы небес и верится, что красоте этой нет ни конца, ни края, как нет конца жизни, вечной любви и добрым делам...

Об этом прекрасном Благословенном крае, о своей малой Родине, о своих земляках, о людях, встретившихся на его жизненном пути, и писал в своих рассказах Владимир Бахмутов.

Книга, которую Вы, уважаемый читатель, держите в своих руках, посвящена юбилею этого замечательного человека и включает в себя биографические сведения, отражённые в рассказах Владимира Григорьевича. Вторая часть книги освещает воспоминания земляков писателя и будет, несомненно, полезна в плане знакомства с жизнью старожилов сёл Чойского района. Эти люди по крупицам сохранили предания и сказания своих предков. Поэтому в конце книги приведены этнографические материалы, собранные в начале XX века известным исследователем Горного Алтая Андреем Викторовичем Анохиным.

Несмотря на то, что в его биографии было много интересного: геодезические экспедиции, Крайний Север, служба в армии, нефтепромыслы, но оторваться от родного Алтая, черневой алтайской тайги с ее сплоченным и выносливым народом писатель не смог. Именно о таких

людях пишет академик Петровской академии наук и искусств России, поэт Николай Рачков:

*А он остался деревенским
Влюбленным в свой родимый край
Над далью озера вселенский
Стоит весною птичий грай.*

*Нет, это все не так уж просто,
Вовек не разгадаем мы,
Зачем здесь ближе, ближе звезды
И выше древние холмы.*

*Клонясь направо и налево,
Зачем здесь шепчет и трава
Такие дивные напевы!
Такие чудные слова...*

Говорят, что в душе у каждого есть мир незримых чар, как в каждом человеке есть пожар, еще не вспыхнувший, но ждущий пробужденья. Владимиру Григорьевичу повезло, что он при жизни сумел «пробудить» свой талант. И в голову невольно приходят стихи Александры Зыковой:

*Дышать, так одним бы дыханьем.
Глядеть, так очами друзей.
И сдвинуть с пути мертвый камень
Препятствий для дружбы людей.*

Поэтому в своих рассказах и повестях Владимир Бахмутов не разделяет героев по национальности. У всех у них, живущих в горах Алтая, одна судьба, одна история, *одна связующая нить* – жить в мире и дружбе, делать одно общее дело, любить свой отчий дом и делать все, чтобы сохранить его таким, каким передали нам его наши предки...

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Бахмутов Владимир Григорьевич, родился в затерянном в глубинах черневой тайги Алтайских гор селе Ынырга. В нем и провел свое счастливое детство, закончил восемь классов школы и отправился исследовать до того неведомые мне земли. Земель в Советском Союзе оказалось столько, что появилось желание их измерять. Окончил институт геодезии и картографии в Новосибирске. Родина, взглянув на меня пристальным оком, решила, что я должен отдать ей долг – два года пришлось измерять объемы самого большого в мире уранового месторождения и носить форму лейтенанта Советской Армии.

В.Г. Бахмутов во время службы в армии.

После того как закончил измерять уран, решил познать как вода, если ее немножечко разогнать, дает людям

электричество. Пытался помочь в строительстве многих больших гидроэлектростанций расположившихся от Таймыра на реке Курейке, до Кавказа на реке Кубань. Успел, правда, некоторое время поучить уму разуму студентов в родном ВУЗе.

В конце семидесятых объявили о начале проектирования каскада ГЭС на Катунь – бросил все и сломя голову помчался на малую родину в надежде помочь ей своими знаниями и опытом. Постепенно из сторонников строительства, превратился в ярого противника. Одержим идеями сооружения малых ГЭС в Горном Алтае на многочисленных, удобных для этих целей, речушках.

Желание писать появилось еще в школе. Первая публикация была в «Пионерской правде» в начале шестидесятых, в то самое время, когда нам объявили, что «нынешнее поколение будет жить при коммунизме». После более чем двадцатилетнего перерыва в альманахе «Алтай» вышел очерк об изыскателях ГЭС на Катунь, гонорар от которого я, с великодушного разрешения КГБ, потратил на приобретение пишущей машинки. С тех пор «сочинительством» занимался постоянно, а вот печатался мало. В 1987 году Новосибирское книжное издательство поставило в свои планы сборник моих рассказов и повестей, но затерялась рукопись в перестроечных архивах. У меня же долгое время основной задачей была задача удержаться на ногах да поднять детей.

Зачем пишу? Вопрос сложный. Возможно, хочется рассказать людям о моем детстве, которое прошло без электричества, и о том, что первый автомобиль в нашей таежной деревне появился только в конце пятидесятых. Первый транзисторный радиоприемник нам с братом удалось собрать самостоятельно, причем полупроводники для него мы выплавляли из угля и серы. Все было понятно, осязаемо руками. А вот как работает компьютер, я своим сознанием дойти не могу. Следующее за нами поколение рождено при чудесах электричества и мобильной связи, и если мы, свидетели столь колоссального скачка в технике, оставим хоть какие-то свои впечатления, думаю, они могут пригодиться.

Кроме того, я в долгу перед своим народом, вырастившим меня и наделившим умением рассказывать. И если оно у меня есть, это умение, я обязан рассказать про того же дядю Петрована, который на войну не поспел, но с ранних лет пришлось ему впрячься в тяжелую мужскую работу, подростком на сенокосе сметывал по 120 копен сена в день. Он веселый был, дядя Петрован, много рассказывал, как бегал по девчонкам и вдовушкам, как рыбачил и охотился, а вот о том, что здоровье было подорвано в детстве, говорить не любил. Умер не дотянув до шестидесяти. Перед ним, и перед всеми земляками и есть мой долг.

Беспокоит и то, что жизнь моего поколения, единственного, кому удалось жить при нормальном социализме, современными историками может быть фальсифицирована и люди забудут, что мы действительно верили во все происходящее и в коммунизм, гордились Родиной, бесплатным образованием и защищенностью в обществе.

Член Союза писателей России с 2001 года.

КОРНИ

В жизни ничего само по себе не бывает, не появляется ниоткуда и не исчезает никуда. Все мы на этой земле не сами по себе, мы повторяем родителей, в которых заложена генная память веков и которую вполне успешно они передают нам. Так что ни стоит удивляться, если какие-то поступки иногда кажутся совершенно необъяснимыми - они приходят к нам из глубины веков. Каждый из нас иногда начинает стыдиться своего поведения, не понимая при этом, что двигала-то им не его голова, не наработанный им жизненный опыт, а память веков, заложённая генами, и если бы он поступил иначе, он просто бы не оправдал чести и достоинства своего рода, своих прародителей.

Прапрадед Андрей.

Бабушка моя, Агафья Ефимовна, царствие ей небесное, знала очень много народных способов лечения и заговоров от болезней, летом заготавливала столько трав и корней, что огромные пучки торчали из углов чердака, сеной, амбара и всех других мест, куда можно было что-то втолкнуть и схоронить от осенней непогоды и зимних метелей. «Агафья, – смеялись соседи, – твоими запасами трав корову прокормить можно». Вся деревня приходила к бабушке: кто с простудой, кто с грыжей, кто с разболевшимся животом – лекарства находились для всех.

Мама моя от тех знаний унаследовала мало – аптеки появились, больницы, там люди ученые, к ним и потянулся

народ. А старух, подобных моей бабушке, объявили чуть ли не вредительницами. Лечить людей им приходилось в строгой тайне. Время постепенно прибрало мудрых женщин, так и не передавших свои секреты, не свои даже, а те, что пришли к ним из глубины веков. В одночасье, надеясь на аптечный анальгин, утеряли мы народную медицину. И жалко, и грустно мне смотреть на современных старух, да и стариков тоже (сам скоро им буду), не умеющих снять боль в позвоночнике – им для этого непременно месяц в больнице пролежать нужно. А ведь травками да веничком мудрая старуха за несколько заходов на ноги человека ставила.

Дед Василий и бабушка Агафья. Фото 1913 года.

Моя бабушка говорила каким-то особым, старорусским языком. Жаль вот только, померла она, когда мне не было и десяти лет, и впитать её великолепный язык удалось не

полностью. Да и понятно, что в то время на прелести языка я не обращал внимания, просто впитывал его, познавая окружающий мир. А теперь откуда-то из глубины памяти всплывают слова и фразы и каждый раз удивляют своей простотой и звучанием. **Ктоезнат, треттёводни, бесперечь** (причём ударение ставится на французский манер в конце предложения-слова), **загодя, лонись, одолучий, поднаумить, разоставок, сызнава, пашто, обыдёнком, шибко** и ещё много-много других, забытых в теперешнем обиходе слов. Жаль, погибают они, теряются. Вот уж действительно: «Что имеем, не храним – потерявши плачем». А меня бабушка звала: «Христовый оладик».

Семья В.Г. Бахмутова.

Мама моя работала учительницей в школе, а учителей в

те времена в деревне уважали, не раболепствовали перед ними, как перед властью, а по-настоящему уважали за то, что жили эти люди в тех же трудных условиях, как и все в деревне, что имели неоспоримое превосходство в знаниях, что ставили на ноги их детей.

С мамой. Фото 1956 года.

В детстве я немного стыдился, если можно так сказать, своего отца. За то, наверное, что он не умел играть на гармошке и не базланил на всю деревню песни, как большинство сельских мужиков, а играл только на балалайке и пел непонятные старинные напевы, которые по радио никогда не передавали, что не был он хоть маленьким, но начальником, а работал на тяжёлой мужицкой работе, больше с лошадьми на сенокосе, да на заготовке дров, что не любил драться – был спокойным трудолюбивым мужиком.

Учителя на селе в те времена были «попами и урядниками». А мой отец - простой рабочий. Вот если бы он

был хотя бы бригадиром на ферме или заведующим конным двором с двумя сотнями лошадей, тогда было бы чем гордиться. Конечно, отец фронтовик, лейтенант с орденом и медалями, с ранениями, но опять же – до Берлина он не дошёл, в какой-то Прибалтике войну закончил, вроде как ненастоящий вояка. Так вот рассуждал я с высоты своей мальчишеской колокольни.

Но время неустанно двигалось вперёд, я подрастал и набирался жизненного опыта, креп физически. В деревенском укладе жизни в школе получают знания, а умение жить и выживать в этом мире преподносятся в первую очередь в семье, на родительском примере, поскольку вся их жизнь как на ладони.

Отец и мама Владимира Бахмутова.

У моих родителей в те послевоенные годы жизнь была сложной. Сейчас и представить немыслимо, сколько нужно было работать, чтобы выжить, да ещё нас, четверых детей, не побояться завести и поднять. До сих пор я вполне убеждён, что родители мои, а вернее всё то поколение советских людей, сумевших выжить в войну и забыть на время обиды на сталинское правительство, в те послевоенные, не в военные, о тех годах разговор особый, а именно послевоенные времена, совершили подвиг. Громко? Но тут других слов подыскать сложно. Результатом их подвига явилось то, что к

восьмидесятым годам наша страна вышла на лидирующие позиции по всем показателям.

Жили мы в то время не просто в деревне, а в глухой таёжной деревне, и это на формирование нашего мальчишеского мировоззрения накладывало особый отпечаток. Воспитанием детей занималась мама, да и то на уровне заботы о том, чтобы мы были сыты, одеты, умыты, так мне тогда казалось. Отец нас никогда ничему не учил, он просто заставлял делать так, как делал сам.

С отцом. Фото 1962 года.

С братом мы пилили и кололи дрова, ухаживали за

скотиной, работали в огороде – все эти навыки не так уж и просты, но они, без всяких понуканий и учений, автоматически входили в нас с каждым годом взросления. Обязанности по домашней работе между нами распределял отец: кто-то должен был носить воду из проруби, кто-то дрова, кто-то чистить хлев и кормить всю живность. Работы было много, но послушаться отца мы не могли и первым делом выполняли его задания, а потом уж, если оставалось время, бежали к друзьям.

С семи лет для деревенского мальчишки начиналась работа на сенокосе. Первый год на уровне принести, отнести что-то, сбегать к роднику за холодной водой. На второй год меня усадили на лошадь возить копны – занятие хоть и не сложное, но требующее определённой сноровки и навыков. Если вдруг случалось неправильно подъехать с копной к стогу, или хуже того, развалить её по дороге, в горячах отец мог и вилами по спине огреть. Третий сенокосный год начался для меня словами:

- А это тебе, - и отец подал мне в руки хорошо отбитую и наточенную литовочку шестого номера, привязал ручку на уровне моего пупа и повёл свой широкий прокос впереди меня.

Мне ничего не оставалось, как начать свой первый в жизни прокос. Я должен был идти следом. Прокос долго не получался, трава не хотела поддаваться литовке: ершилась, разлеталась во все стороны, носок литовки то и дело норовил воткнуться в землю, но на меня никто не обращал внимания, разве что старший брат, ехидно улыбаясь и подгоняя меня сзади, грозился «отрезать пятки».

Первый прокос, как блин у плохой хозяйки, у меня получился «комом», но каждый последующий был ровней и чище. После перекура отец попросил меня пойти пособирать к обеду земляники, которой прямо на поле было красно. Он видел, что я устал и вымотался. На следующий день я уже косил почти наравне со всеми, хоть и прокос мой был наполовину уже отцовского. При всём обучении не было ни одного наставительного слова, основной принцип – смотри, как делают старшие, и делай так же.

На сенокосе отец первым делом сооружал шалаш –

срубал палку с рогатиной, укладывал на неё палку потолще, которую другим концом прикреплял к дереву. На этот остов с обеих сторон ставил одна к одной несколько тонких палок, накидывал на них свежескошенной травы, и шалаш был готов - спасал от палящего солнца и от дождя.

Заготовка сена, наверное, самая сложная крестьянская работа, не каждому мужику она поддавалась. Сноровка и умение в этой работе закладываются с детства. Отец умел подготовить весь сенокосный инвентарь, правильно насадить, отбить и наточить литовку, а уж когда она правильно подготовлена, трава валится в прокос легко и ровно. Он помнил, что все работы на сенокосе делаются «к стогу»: ворошат ли траву для просушки, складывают ли копны, подскребают ли – всё «к стогу», это старая крестьянская мудрость, лишних сил нигде тратить не полагалось. Стога отец метал большие и добротные, без излишней красоты, как делали некоторые выпендюжистые мужики в селе, не стога у них получались - кувшинчики, смотреть на них приятно, но ведь сколько лишних затрат по причёсыванию да по приглаживанию травы! А ясные дни в нашей таёжной местности летом наперечёт, и не всегда оставалось лишнее время «наводить красоту». Отец же делал просто стог, который не промачивало дождём и не разносило ветром, трава в нём хорошо сохранялась.

Обладал отец незаурядными способностями по части любой работы, а откуда это у него, я до сих пор понять не могу. Вырос он в таёжном леспромхозовском посёлке Богучак. Его дед по отцу был из сосланных или беглых, что мне, к сожалению, выяснить так и не удалось, но однозначно - «с той стороны Урала». Так что в крови таёжная работа, и навыки к ней у отца вряд ли были заложены, а вот обладал он ими в совершенстве. Без сноровки и умения понять жизнь тайги невозможно. Для многих вербованных, сосланных и просто приехавших в леспромхоз для временного укрытия от произвола властей мужиков тайга не смогла стать родной, не оказалась подспорьем для выживания в трудное время. Отец смог удержаться. Вероятно, предки были крепкими крестьянами, а настоящая крестьянская смекалка для человека - большой клад и опора в жизненных ситуациях.

Умел отец делать многое: пилить лес, держать скотину, добывать в тайге пропитание, а если даже чего и не умел, мог освоить любое дело самостоятельно, без подсказки со стороны. Недаром, видно, любил он рассказывать нам притчу о Нужде:

«Отправляет отец двух своих сыновей в лес по дрова.

- Тять, а если у нас колесо на телеге сломается? – спрашивает один из них, почесывая затылок.

- Нужда поможет, - заверяет престарелый отец.

Поехали сыновья в лес, и действительно сломалось у них колесо на телеге. Принялись они кричать.

- Нужда, помоги... Нужда!..

Да только никто им не откликнулся. Взялись сыновья за топоры, и смастерили новое колесо – металлический обод-то остался целый. Возвратились домой и к отцу.

- Чего ж ты нас обманул с нуждой-то?

- А кто же вам помог, нужда и помогла, - заверил сыновей отец».

Видно, и сам он жил под этим лозунгом – когда прижмёт нужда, всему научишься. После войны отцу пришлось помогать становиться на ноги пятерым своим младшим братьям и сёстрам, его отец с войны не вернулся. Да так уж случилось, что в жёны он взял дочь «врага народа», след которого затерялся где-то в северных уральских болотах. И всё бы ничего, да только и у мамы было двое младших братьев и сестра. Так что тёща отцу досталась с тремя маленькими детьми. Вот и пришлось всех поднимать, учить, ставить на ноги. Могу только представить, как сложна оказалась жизнь бывшего фронтовика с семнадцатью ранениями, два из которых тяжёлые. Всю свалившуюся на голову ораву детей нужно было кормить, одевать, обувать. Кстати, обувь для всей большой семьи отец научился шить сам, да в то время другого выхода и не было. Из обрезков, утаённых от районных заготовителей и налоговых агентов, скотских и свиных шкур шил сапоги, ботинки, чуни. Подошвы к ним прибывал маленькими деревянными гвоздиками – других просто не было. Я помню эти малюсенькие гвоздики длиной не больше сантиметра, выстрагивал он их из сухих берёзовых заготовок. Проколет острым шилом в подошве

дырку и гвоздик в неё молоточком забьёт. Было удивительно, что его огромные ручки справляются с миниатюрной работой. Кожи для обуви на всех не хватало, и приходилось отцу иногда просто из куска брезента кроить какие-нибудь обутки. Носили такую обувь и зимой, а для тепла запасали на зиму загод - трава такая в тайге растёт, мягкая и прочная, обворачивали ею, как портянками, ноги и одевали самодельные обутки - тепло было ноге и сухо. Жаль только, недолговечная была обувка из брезента, поэтому приходилось беречь и её - в крепкие морозы на улицу дети выходили по очереди. Так вот понемногу и обманывали холодные послевоенные зимы.

От голода спасали картошка да овощи - всё огромное семейство, от мала до велика с весны и до осени кланялось большому огороду. Подвал в доме с осени набивался доверху. Тёща исхитрилась сохранить пчёл с тех ещё пор – со времени сытой крестьянской жизни, так что картофельные драники с мёдом да постоянная работа каждого спасли от голода нашу большую семью.

Потом повзрослевшие и ставшие на ноги шурины, золовка, братья и сёстры вспоминали те годы и помощь отца со слезами и огромной благодарностью. «Слава Богу, - не раз говорила мама. - Все выучились, вышли в люди». А отец, постепенно расслабляясь от каторжной работы, стал изредка «давать душе отдых», прикладываться к рюмке. Втянулся в это дело, как и многие мужики в деревне в то время, быстро и основательно. Никто их за это не осуждал – они заработали отдых. Но это уже другая история. Я просто поражаюсь силе его характера, поскольку с этой «болезнью» ему удалось справиться самостоятельно.

Деньги отец добывал всеми разрешёнными способами. Пока был молодой, летом работал в экспедициях или в соседнем маральнике, осенью в тайге – орех и охота на белку. Зимой подряжался ухаживать за лошадьми в колхозе или школе. Возил сено и дрова. Постоянная физическая работа была образом его жизни. Однажды ему предложили в школе работать физруком. Не смог, через два месяца написал заявление и ушёл.

Была у отца ещё одна характерная черта - не мог долго

«сидеть» на одном месте, работать в одной организации, его постоянно куда-то тянуло. Отсюда, наверное, и работа в экспедиции, и на маральнике. Кроме того, побывал он в знойных пустынях Казахстана и безводных степях на западе Алтая.

Отчего-то мне запомнилось, что любил отец наблюдать за сплавом леса. Мы жили на берегу большой реки, по которой леспромхоз в половодье сплавлял заготовленные за год кедровые брёвна до Бийска. Часто это совпадало с майскими праздниками. Тогда отец мог часами сидеть на берегу и наблюдать за проплывающими сутунками. Что происходило в его душе, о чём он думал и что вспоминал? Возможно, вспоминал таёжную деревеньку, что была вверх по течению большой реки и в которой прошло его нелёгкое детство? Или три жутких года фронта? О чём мечтал? Теперь уж не узнать...

Особые отношения у отца были с тайгой. Самыми доходными делами в те времена считалась заготовка орехов и охота на белок. Этим занимались почти все мужики нашей деревни, хоть и получалось не у каждого. У отца получалось. Мне нравилось наблюдать за тем, как он собирался в тайгу, особенно, как собирал провиант, продукты и одежду. Всё строго необходимое, без всяких выкрутасов. Старенькое, но надёжное ружьё двадцать восьмого калибра, несколько десятков латунных гильз, две-три пачки пороха, коробка капсюлей и маленький, но увесистый мешочек дроби. С каким волнением мы с братом смотрели на эти приготовления, особенно, когда отец принимался откладывать пяток патронов, заряженных пулями, на случай встречи с крупным зверем, пяток – картечью, для зверя помельче. Они у него лежали отдельно от остальных припасов.

К еде отец относился неприхотливо. В тайгу с собой брал несколько бутылок топлёного масла, мешок сухарей, торбочку лука, сахар, соль. Любимая еда – сухарница. Замочит горячей водой сухари в котелке, польёт топленным маслом, покрошит головку лука – вот еда и готова.

Из одежды основной вещью была простая ватная телогрейка. Она согревала днём, спасала в ненастную погоду, по ночам служила одеялом. В таёжных мытарствах отец спал

у костра. Разожжёт его из нескольких сухих брёвен – горят они жарко и, главное, долго. Повернётся спиной или лицом к костру, а противоположную сторону укроет телогрейкой. Ночью два, три раза поднимется да подтолкнёт брёвна в огонь. Сейчас телогреек нет, а на синтепоне в тайге долго не продержишься.

Мне в пору моего взросления посчастливилось сходить с отцом раза два или три на заготовку орехов. Вот уж действительно - чисто мужская работа. Созревший орех нужно сбить с кедра. И тут люди до сих пор ничего не придумали, кроме того, чтобы подняться на дерево и прогоном (длинной палкой) или резким ударом ноги по сучку, сбивать шишки с веток. Меня всегда поражало, как ловко отец проделывал эти операции, как потом, собрав шишки в мешок, а мешок у него был особый, намного больше мучного, заваливал его на плечи и тащил напрямую к стану. При обработке ореха он быстро и умело приготавливал весь инвентарь. Тёрки, решёта, лопату. Причём из дома у него был прихвачен только хорошо заточенный топорик да кусок тонкой жести с пробитыми дырками для просева ореха, всё остальное отец готовил на месте из подручного материала.

В первый день пребывания в тайге отцова сухарница мне очень понравилась. Да и как она могла не понравиться, если за день я так промялся, перебираясь с мешком шишек через огромные валёжины, что готов был есть что угодно. Но во второй и последующие дни сухарница стала надоедать и, пересиливая себя, я сглатывал мягкое месиво только потому, что больше есть было нечего. Отец же мог питаться одной сухарницей неделями.

Следующий поход в тайгу с отцом оказался не совсем удачным. Я тогда учился в девятом классе, но по случаю исключительного урожая ореха на семейном совете было принято решение мне пропустить пару недель занятий. Разворотливые лесхозовские руководители организовали в тот год бригады по сбору орехов, но поскольку основная работа в лесхозе не остановилась, людей в бригады набрали пришлых.

Мы с отцом застолбили себе участок и принялись лазить по кедром. Но не даром говорят, что тайга - фарт. Через несколько дней начался затяжной осенний дождь,

лазить по деревьям в такую погоду не только опасно, а попросту невозможно, обрабатывать собранные шишки тоже. Целыми днями мы сидели под огромным кедром, который спасал нас от дождя, жгли костёр и боялись лишней раз высунуть нос «на улицу».

В паре километров от нас стояла бригада «завербованных» орешников. Они, как и мы, не работали, сидели в маленькой охотничьей избушке. От безделья, накинув дождевики, мы решили сходить к ним в гости. В избушке у них, что называется, дым стоял коромыслом. Человек десять, распаренных горячей печкой мужиков, сгрудившись у маленького стола, играли в карты. Вид у «вербованных» был самый что ни на есть бандитский – кто лысый, кто с волосами до плеч, большинство с татуировками на всех частях тела. В тёплой избушке они сидели голые по пояс и переговаривались такими словами, каких в своей деревне я отродясь не слышал. Мне стало жутковато при виде разношёрстной толпы.

Каково же было моё удивление, когда отец, поздоровавшись со всеми, быстро нашёл общий язык с этой ужасающей с виду толпой. Больше того, он сел играть с ними в карты. Я и предположить не мог, что отец умеет заниматься подобным ремеслом. Играли не на деньги, на интерес, но отец, видно, дело знал хорошо и очень скоро, к моему удивлению, оказался в победителях. Откуда он набрался шулерской мудрости?

Позднее, когда я встретился с его младшим братом, забравшимся жить всем семейством на озеро Балхаш, он рассказал, что мой отец с фронта вернулся в одной гимнастёрке. Об этом, наверное, даже и мама не знала, поскольку поженились они позже. По случаю наличия ордена Красной Звезды, медалей и ранений долго после Победы отца в армии не задержали. Ехал офицер с накопившимся офицерским жалованием, запасом продуктов и подарков, даже пистолет трофейный прихватил. Поезда двигались медленно. За время, которое добирался до родной станции Бийск, «просадил» он в карты всё, что мог. Вероятно, в те времена поездные шулера были намного ловчее собранных здесь, в тайге. Отец не любил рассказывать о трудных моментах в

своей жизни, но когда я его спросил о картах и поезде, он не стал отрицать, что, возвращаясь с фронта, серьёзно залетел по случаю своей простоватости и доверчивости.

Вдоволь наигравшись, мужики отложили карты и принялись расспрашивать отца о таёжных премудростях. И удивительно, с десяток только что азартно перекидывавших карты полубандитов слушали отца с огромным интересом. Такого я от своего родителя и ожидать не мог. Потом уж, по жизни, понял феномен произошедшего. Когда человек по настоящему знает то, о чём говорит, он и рассказать об этом может так, что будет интересно любому слушателю. А уж таёжные-то премудрости и заготовку ореха отец впитал с молоком матери, поскольку детство его прошло в этой местности.

С годами походы в тайгу у отца становились реже, видно, совсем не простыми были те деньги, добытые изнурительной ходьбой по заваленному колодником лесу да ночёвками у костра. Потом уж, когда тайга стала не кормилицей, а больше развлечением, произошёл с ним один курьёзный случай. Предложил ему шурина, улаганский алтаец, поехать на белку в его родные края.

Легки были мужики на подъём. Собрали провиант, одежду, продуктами запаслись и на рейсовый автобус. Тайга в тех местах от черневой отличается – многовековые, сбросившие на зиму иголки лиственницы подпирают небо. Зарослей кустарника и валёжника почти нет, снег мелкий. Очень понравилась отцу тайга, да и белка в тот год была хорошая. Так что поохотились двое мужиков неплохо. А когда вышли к жилью, тут у шурина все родственниками оказались. За пару недель охотники пропили абсолютно всё: добытую белку, ружья и боеприпасы, остатки продуктов, даже кое-что из одежды пошло в ход. Перед сестрицами свояки предстали в драных телогрейках. Больше их на совместную охоту не отпускали.

Да и вообще, охота и таёжный промысел для отца стали тяжеловатыми. И как-то незаметно он переключился на рыбалку. В те времена в наших реках рыбы было предостаточно. Ловили её неводами, мордушками, сугенями. Но отец подобные виды рыбалки, не рыбалки даже, а просто

грубой добычи рыбы, не признавал. Отчего-то понравилась ему ловля хариуса на мошку. Этот способ он и начал осваивать, и нас с братом принялся приучать к нему.

Особенность рыбалки на мошку в том, что нужно успеть подсечь хариуса в тот момент, когда он хватается наживку, а чтобы получилась эта операция, дёргать удилище нужно немного раньше, чем проворная горная рыба схватит крючок. Это возможно, поскольку в прозрачных струях горных рек вполне отслеживается момент, когда тёмная спина хариуса отрывается ото дна и, блестя чешуйчатым боком, стремительно несётся к наживке: вот тут-то и нужно угадать момент подсечки – дёрнешь удочку раньше, не успеет рыба схватить крючок, блеснёт ярким боком, вырвавшись из воды, и опять скроется в её волнах, дёрнешь позднее – схватит хариус крючок, почувствует обман и тут же выплюнет. Азарт описать невозможно, для меня и сейчас нет радостней рыбалки. Жаль только, харьюзовых рек почти не осталось – креозотом их загубили, дустом, опилками. А в те годы в пору солнцезаката на реке стоял шлепоток – в это время комары и мошки тучами вьются над водой, вот и не теряет хариус времени – питается.

Долго приноравливался отец к привередливой рыбе, первое время со всего маху отправлял добычу в прибрежные кусты, там она, в большинстве своём, срывалась с крючка и нам с братом приходилось долго отыскивать добычу. Для этого и брал нас отец с собой – собирать рыбу. А через пару лет слыл он самым добычливым рыбаком в деревне.

А вот учиться отцу не довелось - не до того было, да и особого желания, вероятно, отец к учёбе не испытывал. Из коммунистической партии, в которую вступил перед каким-то серьёзным наступлением наших войск вместе с бойцами всего своего взвода, отца вскоре после демобилизации исключили. Думаю, он отчётливо понимал фальшь в словах руководящих работников и не хотел становиться в один ряд с ними. Несомненно, понимал он и то, что только труд облагораживает, спасает человека – а потому работал не жалея ни сил, ни здоровья, работал, не боясь подставить свои плечи под чужой груз.

Его как-то назначили на должность бригадира

полеводческой бригады. Через несколько недель руководства бригадой он «вдыминушку» разругался с управляющим фермой – их мнения расходились по элементарным вопросам: управляющий выполнял приказы районного начальства, а отец руководствовался здравым смыслом. Теперь-то я его вполне понимаю, не рождён он был руководителем. Из меня тоже толком-то по части занимания руководящих должностей ничего не получилось – личная свобода и независимость постоянно были превыше да плюс врождённое отсутствие дипломатии и умения идти на компромисс.

От потери «руководящей» должности отец не расстроился, попросился в строительную бригаду. Тут он оказался на месте. Закидывал с утра топор на плечо и отправлялся к конторе. Там у них была разрядка - управляющий фермой распределял всех по рабочим местам. Работы строителям в совхозе было много, а отец умел делать и плотницкую, и столярную, да и любую другую работу, поэтому его часто перебрасывали с объекта на объект.

Кстати о топорах, основном плотницком инструменте. Мужиков в деревне в те времена можно было судить по топорам – подобрать топор с хорошим металлом, заточить его, изготовить ладное топорище дело не простое, а для некоторых мужиков просто недоступное. У отца топор был всегда острый и ходкий, топорище крепкое, без лишних завитушек – его просто было удобно держать в руках. Помню, как долгими зимними вечерами, присев у приоткрытой дверцы комелька, он ловко выстругивал ножом уже обтёсанную берёзовую заготовку, потом брал осколок стекла и неторопливо шлифовал прочное дерево до блеска.

С топорами в таёжной деревне мужики сходились не только в строительной бригаде, часто всем жителям приходилось артелью строить мосты через ручьи и речки, городить поскотину, колоть дрова для школы и клуба. А то и просто кто-то в селе сзывал мужиков на помочь - срубить дом. Топор в этих случаях «рассказывал» о хозяине больше всяких рекомендаций.

И ещё замечательная черта характера была у отца – он никогда не врал, не умел этого делать. Единственное, что он мог позволить сделать предосудительного, так это когда

злоупотреблял спиртным, зимой перед тем, как войти в дом, прятал где-нибудь в сугробе, на подходе к крыльцу, недопитую бутылку водки, отыскать которую назавтра оказывалось невыполнимой задачей. Частенько бутылки отыскивались только весной, когда стаивал снег. После пьянки отец никогда не извинялся, не заискивал, просто хмурился и с остервенением принимался за работу.

Помню, как-то с отцом поехали на лошади в соседнюю деревню, за тридцать пять километров. Зимой, на санях. И такая началась непогода – жуть. Снег пошёл, ветер поднялся – метель. Хотя и в горах не бывает сногшибательных ветров, но тогда мне десятилетнему мальчишечке, метель показалась адом. Деревья по обочинам дорог, то скрывались в сплошной пелене, то выплывали неясными очертаниями. Снег полностью перемёл наезженную колею и лошадедка еле тащила сани. Мы вылезли и пошли пешком. На первый перевал, а их на пути было три, пришлось помогать лошади: вместе с отцом мы подталкивали сани. Продвигались медленно, а тут еще ночь на носу. Мне сделалось страшно и хотелось вернуться домой, от которого мы отъехали не так и далеко, стоило только повернуть лошадедку, и с перевала вниз и вниз.

Но я молчал. У нас не принято советовать старшим и завидовал отцу: он мог принять решение – вернуться домой или пробиваться дальше. На перевал мы всё же, спасибо лошадедке, забрались. Под гору двигались быстрее, а где-то там, на половине пути, перед вторым перевалом, снег прекратился, да и дорога была перемерена не так уж сильно. До соседней деревни добрались благополучно. А мне был хороший урок – не пасовать перед трудностями.

Отец рассказывал: Приходит с фронта, а его вместе со всеми встречает мальчишечка годов шести, в драных штанишках на одной помочи через плечо, босиком, и радостно говорит детским своим голосёнком:

- Гриша, я за тебя молился...

Мать его, моя бабушка, проводила на фронт мужа и старшего сына, отца моего. На мужа через год получила похоронку, осталось ждать сына. Ждала, как могут ждать только матери. На руках еще шестеро, и хоть, конечно, кто

постарше уже помогал, но младших пристроить было совсем некуда. Пришлось женщине нести на своих плечах все заботы об их содержании: главное - не заморить голодом, не заморозить, охранить от болезней... Отправиться на работу от маленьких детей было невозможно. Понимая это, начальник лесоучастка, где они в то время жили, решил поручить женщине присматривать за маленькими детьми всего поселка. Детей было много, собирала их моя бабушка в свой дом и целыми днями возилась с ними. А когда выпадала свободная минута, усаживала их в круг и, задумавшись о своей горькой доле, вместе с ними читала молитву за всех, кто был на фронте, за их благополучное возвращение. Понятно, что первым в этой молитве стояло имя её сына, Григория. Три тяжелых года ждала и молилась вместе с ребятишками овдовевшая мать.

Вот и выдал мальчишка, встретивший моего отца с фронта: “Гриша, я за тебя молился...”. Может быть, действительно, благодаря молитве этого вот мальчишки, хоть и с семнадцатью ранениями, но вернулся с войны мой отец. Годков-то его, двадцать второго, двадцать третьего – в живых осталось считанные единицы.

Когда на смену тяжёлым послевоенным годам пришли более спокойные и благополучные и всем в деревне стали давать квартиры, которые строил совхоз, отец от дармового жилья отказался и за несколько лет построил большой крестовый дом. Сам построил, начиная с укладки больших сосновых окладников, поскольку с цементом в то время ещё было туговато, и кончая тесовой крышей – всё своими руками. Мы с братом в то время были уже на учёбе да на службе и помочь не смогли. Дом получился красивый и уютный, а главное – прочный.

Многое ещё можно рассказывать про моего отца. Сейчас, за пеленой времени, всё отчётливей проявляются его положительные качества. К деньгам он относился равнодушно. После войны находил способ зарабатывать. И для постройки дома зарабатывал. Кстати, легковую машину в селе он купил самым первым – как фронтовику выделили. Если денег не хватало, то всегда выручила тайга - брал отпуск и в орехи. Специально денег никогда не копил. Когда уже был

на пенсии по старости, ему, за его ранения предложили оформить ещё и инвалидную. Долго отказывался, и только когда показали рентгеновские снимки, где в его теле обнаружили несколько осколков, которые он пронесил всю жизнь – заплакал и согласился.

Последние несколько лет мой отец жил один - так сам захотел. Спокойно жил, на здоровье не жаловался, на отсутствие вкусной пищи тоже. Мы, дети, старались навещать его почаще, привозили что-нибудь вкусное из еды, но ведь это не каждый день и не с «горячей сковородки». Отец просто жил, убивая излишки свободного времени прогулками да лежанием на диване напротив телевизора. Он не докучал никому, не звонил лишний раз по телефону, что при нашей загруженности нас вполне устраивало. Умер отец достойно, своей старостью никому не досадив.

И вот теперь, когда отца мы похоронили, я запоздало задумываюсь – как же ему было тоскливо длинными зимними вечерами и ночами, бессонница, небось мучила, поговорить хотелось хоть с кем-нибудь, рассказать о жизни, о своих успехах и поражениях в ней. Он, вероятно, терпеливо дожидался утра и шёл растапливать печку, потом выносил ведро с помоями, приносил дров и воды на следующий день – вся дневная работа в одночасье была переделана. А ведь в жизни-то он без дела сидеть не мог... О чём же он думал, когда вся жизнь уже позади и очередной восход солнца ничего нового не обещал?..

Страшно как-то и жутко становится от мысли, что и мне когда-то придется жить вот так, в безделье и никчемности, никому не нужным. Упаси меня от этого Бог.

Может быть, я и не обратил бы столь пристального внимания на характер отца, если бы не начал замечать проявление этого характера в моём старшем сыне. В какой-то момент, уже не молодой, принялся парень «пахать», не зная устали и не обращая внимания на время. Но ладно работать, так ведь врать и лукавить он, как и его дед, не умеет, что в наше-то время, то есть в его, оказалось большим недостатком.

Да и моя-то жизнь тоже прошла, если внимательно приглядеться, по дорожке, проторенной отцом. В высшую партийную школу не пошёл, хоть и усиленно направляли, а по

тем временам это учебное заведение было гарантией успеха. Так что в чиновники я не пробился. Впрочем, до сорока лет карьерный рост был нормальный, в перспективе светило место управляющего трестом. Но в сорок я как-то резко поменял образ жизни и стал самим собой, ничем и никому не обязанным. Счёл, что так проще и правильней жить. Такое же состояние души двигало и поступками отца – не хотел он быть зависимым человеком. Жизнь - штука справедливая, каждому выдаёт по заслугам.

Так уж случилось в нашей семье, что мамина сестра в мужья выбрала чистокровного улаганского алтайца. Мой отец русский, но жили свояки дружно, в гости друг к другу часто навещались. Как-то на гулянке, а без обширного застолья в гости в те времена не ездили, они поругались. Молодые были, горячие. От драки Бог отвёл, а вот наговорили друг другу «семь вёрст до небес». А когда проспались, накатили по стопарику, обнялись и запели: «Ах, Самара городок, беспокойная я...». Жизнь они прожили плечом к плечу, да и мы, их дети, часто вспоминаем: «Страна хозяин» - и улыбаемся. На национальной почве у нас раздоров не случается, да и случиться не может, поскольку мы близкие родственники.

А вот на современном этапе в нашей республике нет-нет, да сверкнёт, словно молния, из уст городской интеллигенции алтайской национальности лозунг типа: «Русские колонизаторы» или: «Помогите коренным малочисленным», а то и герб времён правления Ч.Гуркина на театре вывесят с алтайским текстом: «Земля и воды алтайцам». И так становится неприятно и обидно нам, русским, что хочется ответить на эти выпады просто: «Задолго до нас подружились и породнились два народа и не нам ломать сложившиеся веками отношения».

В семье нашей часто вспоминали случай, как мама по каким-то своим учительским делам поехала в город и прихватила меня, трёхлетнего мальчонку. И всё бы ничего, но захотелось ей посмотреть спектакль в доме культуры. Меня вместе с ней в зал не пустили. Что делать? Тогда она постучала в ближний от театра дом и уговорила хозяев присмотреть за мной. Хозяева согласились, но отчего-то через некоторое время заволновались

и решили, что ребёнка им подбросили. Нашла меня мама уже в городском отделении милиции. Ну, а с тех пор, как началась учёба в школе, в Горно-Алтайске мне бывать приходилось часто. Родственники наши и знакомые в основном народ простой, в домах их и на усадьбах было всё, как и у нас в деревне. Но вот однажды мама завела меня к состоятельным знакомым, которые жили на третьем этаже кирпичного дома. Вот уж было для меня удивлений - живут друг над другом, да ещё и вода в доме из крана бежит! Воду мне удалось заметить, а вот с туалетом вышла промашка. Я и представить не мог, что «нужду» справлять можно прямо в доме, поэтому, когда она, «нужда», пришла, сказал маме, что пойду погулять. Найти на улице подходящего строения не удалось. Пришлось терпеть, причём до той поры, пока не попал к родственникам с туалетом в огороде.

Мама моя любила говорить: «Не родится от свиньи бобрёнок, а всё поросёнок». И я рад, что унаследовал какие-то положительные черты от отца. Основное, за что я ему благодарен, так это за то, что он научил меня работать. Честно работать. Не прогибать спину перед начальством и деньгами, не бояться подставить плечи под чужой груз, не увиливать от трудностей, оставаться самим собой. Эти навыки в жизни были мне большим подспорьем.

Мои родители, особенно мама, приучали меня не поддаваться жизненным невздам, не паниковать перед трудностями, не выискивать лёгких путей.

Оглядываясь теперь на прожитые годы, я гордо могу сказать, что жил в гуще людей, семь лет по общежитиям, около двадцати по экспедициям. А это ведь не просто, постоянно быть с людьми, жить с ними одной жизнью и не иметь права на мелкие обиды и уметь прощать. Многого чего было, не все мечты сбылись, кое-что можно было бы прожить и по-другому, но главное, что мне удалось в жизни – это то, что я помнил родительские наставления и никогда не подличал.

Да и как я мог сподличать, если «впереди меня по веку» всегда шла моя мама. Вот уж кому на временной оси человечества досталась непростая судьба. У неё и детства-то нормального не было – отца лишили прав, когда ей было шесть лет, раскулачили, а когда было четырнадцать, его

забрали. Больше его никто не видел. Я не раз слышал от мамы, что отец был злой. Да, вероятно, и было от чего злиться.

Дальше в её судьбе - клеймо врага народа, война, двое младших братьев и сестра на руках, голод и холод. Но даже в таких условиях ей удалось закончить педучилище и пединститут.

Мама - одна из тех немногих женщин на земном шаре, пальцы рук которой не знали, что такое кольца, уши её были даже не проколоты под украшения. Но свой главный жизненный долг она выполнила сполна.

Главное, что было у неё в характере и что передалось мне в полной мере, так это умение сострадать, умение подставить свои плечи под груз других и не испрашивать за это благодарности. Это качество я отношу к одному из самых необходимых качеств человека.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Дом деревянный, классический сибирский пятистенок с тесовой крышей, других по тем временам в нашей деревне почти не было. В длину дом был метров семь-восемь, в ширину не более четырёх. Всего каких-то тридцать квадратных метров – не густо по современным меркам. Мне же дом казался огромным – одних только окон семь штук. А число обитателей порой переваливало цифру десять. Теперь вот удивляюсь, как в нём всем хватало места!

С северной стороны, во всю длину дома, к нему пристроена кладовая и сени, заканчивающиеся маленьким крылечком. Четыре окна на юг, два на запад, одно на восток. Такое расположение окон удерживало солнце в доме с восхода до заката, а четыре южных окна в морозные зимние месяцы позволяли «отлавливать» скупые теплые лучи прижатого к горизонту солнца. И виделась в этом особая деревенская мудрость русского мужика попавшего в Сибирь с её резкоконтинентальным климатом.

Срублен дом из ровных, хорошо подогнанных друг к другу брёвен – красивые, широкие карнизы венчают тесовую

крышу, фронтоны сколочены из построганных, широких досок, дождь на которые не попадал и они, прожарившись на солнце, за много десятков лет приобрели темнотистый цвет. Наличников на окнах отчего-то нет, дом строился во времена коллективизации и, вероятно, на излишества ни времени, ни материала не хватило. Но даже без наличников дом смотрится как игрушка.

Родительский дом.

Этот дом родители купили после рождения первого сына, моего старшего брата. Вот если бы ещё стоял дом на фундаменте, а не на деревянных окладниках, как было принято строить в те времена, то стоял бы он и стоял до сих пор. Но с цементом перед войной была «напряжка», да и везти его за двести вёрст на лошадях было накладисто. Кстати сказать, на всю нашу деревню, в то время, на бетонном фундаменте стояло всего два больших крестовых дома, построенных ещё до революции. Один – дом купца Ястребова, который стоит в центре деревни до сих пор, второй – купца Тарбонакова. В момент начала перестройки на дом Тарбонакова объявился наследник. Но что-то там произошло – кто-то кого-то не удовлетворил: наследник власть или власть наследника, только дом, простоявший

более века, неожиданно, в одну из тёмных осенних ночей сгорел дотла.

Ну, да бог с ними, с купцами, я рад, что мне посчастливилось родиться в добротном крестьянском доме и провести в нём свое детство. С моим взрослением дом постепенно принялся перегибаться и кривиться – деревянные окладники начали быстро подгнивать. Каждый год, в сухую осеннюю пору, перед самым снегом – есть такой момент в природе: в конце октября несколько дней стоит теплая и сухая погода, потом небо постепенно затягивается облаками, с юга принимается дуть теплый ветер, гуси и утки косяками летят на юг – вот в это теплое и сухое время, мы засыпали стены дома землей почти до самых окон, утепляли его. Ночью, как обычно, выпадал снег, который оставался в зиму, начинались морозы. Почему-то первый снег выпадал всегда ночью. Но завалинки помогали плохо, дом продолжал накрываться и оседать. Конечно, его можно было спасти, к тому времени цемент уже стал появляться и в нашей деревне. Многие мужики приподнимали дома домкратами, заменяли подгнившие венцы и сооружали бетонный фундамент. Отец решил по-своему – построил новый дом, а старый, в котором я родился и вырос, раскатал на дрова. Произошло это уже после того, как туманным июльским утром родители проводили меня в город на учёбу. К новому дому мне привыкнуть не удалось, а старый остался в памяти, да на нескольких пожелтевших фотографиях. С годами он вспоминается чаще, а во время первого отъезда из него я и подумать не мог, что уезжаю из родного дома, да и деревни навсегда, что будет она сниться ночами, а возврата в неё, как ни крути, не получается.

По углам дома, на уровне верха окон, прибито два скворечника – наша с братом работа. С южной и восточной стороны, на уровне середины окон, дом опутывает бельевая верёвка, полностью завешенная детскими рубашками, штанишками, отцовыми кальсонами. Это было единственное место, где зимой можно было сушить бельё. Хоть и зимнее солнце, но, пригревшись к дому, растапливало и выгоняло вмерзшую в ткань воду, да и в метели бельё не трепало ветром, который в зимнее время в нашей деревне дует

преимущественно с северо-запада. Стирала белье мама всегда вечерами, полоскала потемну, в проруби. Мне часто приходилось помогать – приносить и относить тазики с бельём. А мама полоскала и полоскала наши рубашонки и штанишки, простыни и полотенца в ледяной воде. Схватит из тазика тёплую от домашней воды тряпку, накинёт на руки, пока несёт её до проруби – руки греются... Как быстро изменилась женская доля – наши жёны вталкивают бельё в машинки-автоматы и через полтора часа вытаскивают его почти сухим.

Электрических проводов к дому не подходит, значит, фотография сделана в самом начале шестидесятых. Жили мы в то время при керосиновых лампах, а про электричество слышали только из рассказов людей побывавших в городе. И были те рассказы непонятны и загадочны – какая-то маленькая лампочка, а света даёт больше чем несколько керосинок! Впрочем, я и сейчас этого не понимаю, и если кто-то при мне утверждает, что в силах представить «свободный поток электронов» (так формулируют понятие электричества физики), считаю, что он, мягко говоря, фальшивит. Позднее нашу деревню, как и все деревни в округе, опутали густой сетью проводов, запустили дизельную электростанцию.

Освоение электричества в нашей деревне пришлось на пору моего обучения в восьмом классе.

Мама у нас была решительная женщина, спросила меня: «Электричество в школе проходите? Вот и делай проводку в доме сам». Брату повезло, он в это время уже учился в Барнауле, а мне пришлось основательно познакомиться с «переменчивым» характером электричества. Но справился.

Думаю для меня, мальчишки «от сохи», это было не меньшим подвигом, чем освоение компьютеров современными вундеркиндами.

Домик наш стоял на берегу маленькой, но строптивой речушки. В пору сухого лета речушка – «воробью по колена», но после дождей могла моментально разлиться так, что и на лошади не перебраться. В один вот из таких разливов пришлось мне ловить пьяного родителя, которому и море было по колена, на лодке. Запомнил я с тех пор хорошо, что с водой и водкой шутки плохи. В тот раз обошлось, успел я

догнать уже пускавшего пузыри отца и затащить в лодку.

Центр села был на другой от нас стороне реки и каждый год, после весеннего паводка, отец строил переходы, которые летние разливы выдерживали, а в ледоход их постоянно уносило. Сооружение это представляло по паре брёвен с досками, уложенными на козлах. Перил на переходах отец не делал и пройти по ним дождливой порой было сложно. Да и в хорошую погоду на узких дощечках оступить было просто. Помню, сестрёнка моя, когда ей было года три, свалилась с переход в воду и счастье её, что было это осенью и одета она была в шубку, которая не позволила ей пойти ко дну сразу – так и плыла, пока не заметили её взрослые.

Отец мой мужик старой сибирской закваски, таёжник – не любил делать работу, без которой можно обойтись. Перила на переходах он считал лишней тратой сил и материала. Думаю, эта черта в крови у каждого таёжника – не растрчивать силы по пустякам их приучила сама природа. Так что с детства мы учились ходить по переходам без перил и ограждений.

Впрочем, на узких переходах отец частенько попадал впросак и сам. Центр деревни и магазины, как я уже отметил, были за рекой, ну и иногда случалось родителю возвращаться домой «навеселе». В такое время ноги его держали плохо и он шел не по переходам, а рядом. По этой причине мы задолго до его появления в доме, знали в каком состоянии он возвращается. Бог ему судья. Он был фронтовик с орденами и тяжелыми ранениями – ему многое прощалось. Главное, что и нас, детей своих, он научил терпеливо и умело работать, бережно расходовать силы.

Сам дом был скроен в старом русском стиле, всё в нем продумано крестьянским рациональным умом. Был ли здесь классический деревенский стиль заимствованный где-то в европейской части, или сама природа и условия жизни в Сибири научили пришлых людей использовать каждую частицу теплого жилья рационально. Много потом видел я жилищ. На Енисее и Ангаре дома строили вообще без всяких перегородок – просто четыре стены и посередине печка. Это что-то среднее между алтайским аилом и домом. Главная задача была перезимовать, хоть в тесноте, но в тепле. А вот пятистенки с большими окнами, с камельком – это юг

Западной и Восточной Сибири. И был это, вероятно, уже следующий, после землянок и маленьких деревянных избушек, этап в развитии цивилизации «по эту сторону Урала».

Пятистенок делился на горницу и кухню (куть). Кухня, как принято говорить сейчас, проходная. Вход в неё из сеней. Утеплённая войлоком, собранная из толстых кедровых досок дверь, укреплялась на широких косяках. Зимой эта дверь постоянно обмерзала и приходилось сдобривать с неё лёд.

И ещё из детства помнится. В кухне и горнице, на полу иногда спало столько мужиков, что и к помойному ведру пробраться было невозможно. Случалось такое, когда в нашем доме останавливались на ночлег конные обозы. В те времена все грузы в таёжные деревни возили на лошадях, а потому ходили обозы несколькими десятками конных подвод и привозили все необходимое аж из самого Бийска. В соседних селах у родителей было много знакомых и родственников. Вот и располагались они в тепле, но без всяких удобств в нашем доме. Когда стали прокладывать зимники для автомобилей, без конных обозов и большого скопления людей в доме стало скучно.

В кухне размещался большой стол с лавками по бокам. С одной стороны вместо лавки стоял сундук, в который нам заглядывать так же запрещалось и что в нём хранилось, мы не знали. Исчез сундук сразу после смерти бабушки. В горницу вела двустворчатая дверь, открыв которую начинался другой мир. Пол в горнице был постоянно застелен домоткаными половиками. Резная этажерка с книгами в углу, круглый стол посередине, две кровати, заправленные кружевными покрывалами, все это придавало горнице особый уют. На одной из кроватей спала бабушка, а вторая вообще расправлялась редко. Отапливалась горница маленьким камельком с плитой. В простенках между окон были прикреплены большие деревянные рамки под стеклом, которые хранили пожелтевшие и почерневшие от времени семейные фотографии. Я до сих пор помню многие из них. Позднее мама сложила их в альбом, но на стенке они мне нравились больше. В горнице было четыре окна и на каждом из них висели небольшие занавески вверху, а пониже, из

белой ткани, ночёвочки – начинающиеся с половины окна они делались на две части, такие я потом увидел на окошках железнодорожных вагонов. Однажды мама, вместо занавесок и ночёвок, повесила длинные тюлевые шторы, по тем временам вещь невиданную и, кажется, доставшуюся ей как премия за хорошую работу. Тюль я видел в первый раз, она мне напомнила какую-то вязанную металлическую сеточку и нестерпимо захотелось попробовать поджечь её спичкой. Что я и сделал, выбрав удобный для этого момент – к счастью кто-то из взрослых всё же оказался дома и заметил мои «эксперименты», а то бы мог и сам задохнуться в дыму.

Ещё одной достопримечательностью горницы был вбитый в потолочную матку металлический крюк. С рождением в семье очередного ребёнка с чердака доставалась зыбка, которая вешалась на крюк, и в которой младенец вырастал до возраста, когда появлялась опасность, что он может из неё выпасть. Зыбку после этого отправляли вновь на чердак, а горница ещё несколько лет служила жилищем маленькому человечку.

Слева от входной двери, в начале припечной лавочки, к стене был прикреплен рукомойник, под которым стояло помойное ведро. Ну, а дальше, плотно прижимаясь в угол, громоздилась большая глинобитная печь. Та печь, от которой в Сибири начинаются «все пляски». Она и кормилица, она и спасительница от лютой зимней стужи, от невзгод и болезней. В пору моего детства, промёрзшие, вымокшие в снегу так, что штаны стояли «колом», мы забирались на печь, где было неопишимо тепло, припадали к её глиняному основанию и из продрогшего тела мороз уходил на глазах. Часто засыпали на теплом ложе печи, укрывшись каким-нибудь стареньким тулупишком.

Зимой, по утрам, засветив керосиновую лампу, мама первым делом растапливала печь, потом шла доить корову. Вслед за ней шёл управляться со скотиной и по двору отец. Мама возвращалась быстро и принималась готовить завтрак и обед сразу. Когда дрова в печи прогорали и появлялись угли, приходила очередь подъёма детей. Вариантов «вздремнуть ещё пять минуточек» не было – мама этого не любила. А пока мы раскачивались и умывались, на столе появлялись блины,

пироги или ещё что-нибудь с пылающих углей печи. Блины мама пекла всегда на двух сковородах, которые мелькали по её велению словно волшебные: наливает тесто на одну и вталкивает в печь, вторую вытаскивает и сбрасывает готовый блин. Мы, все дети, которые оказывались на этот момент в доме, должны были успевать их съесть, но было это не так просто.

– Что, запарились, ребяташки. Сейчас отец придёт, поможет, – весело и задорно говорила мама.

После блинов в печь, в её вольный жар, отправлялся небольшой чугунок с нашим обедом. Там уже было положено мясо, картофель, капуста и ещё что-то известное только маме. К обеду щи были готовы. Отец приходил первым, доставал чугунок, добавлял в него мелко порезанный лук и мы принимались за еду. После щей пили чай, который благодаря той же печке был весь день горячим. В обед была даже возможность подогреть его почти до кипения. Для этого в печи существует загнетка – оригинальное изобретение наших предков. В уголке печи, ближе к чувалу, при сооружении всегда устраивается ямка – загнетка. В загнетку эту, перед тем, как закрыть трубу и придвинуть заслонку, кочергой сгребаются оставшиеся в печи, ещё горящие угли. Затем они засыпаются слоем золы. Без доступа воздуха угли долго сохраняют жар, а главное от них можно в любое время вновь растопить печь, или даже дать уголёк соседям, если у них вдруг загнетка погасла. В пору дефицита спичек это было немаловажно. Ну а чай на загнетке можно было подогревать в любое время.

Дальше печи, до самой стены – голбец, там тоже тепло, но доски не глина, в них нет «нутряного» жара, да и заставлен он был постоянно крынками и корчагами с пшеном, сушеными ягодами и прочими необходимыми для зимовки припасами.

Справа от входа, занавешенная шторкой, размещалась широкая кровать родителей. На день шторка прикреплялась к потолку (полатам), потому что в дом приходило много гостей и их обычно усаживали на кровать.

Но самым интересным и излюбленным местом для нас были полати. Количество спальных мест там не ограничивалось – в холодные зимние ночи забирались туда

все дети, которые были в доме. А в нашем доме детей всегда было много. Кроме нас, родных, постоянно жили младшие братья и сестры отца, да еще квартиранты, дети с соседних сел, где не было школы. На полатах было тепло, и места хватало всем.

В левом от входа углу, напротив печки, была прикреплена икона, хотя в бога в нашем доме, кроме бабушки, особенно-то и не верил никто. За иконкой, свернутый в трубочку, лежал портрет Сталина с обложки журнала «Огонёк». Это было удивительно более всего, ведь моего деда, её мужа, в тридцать седьмом забрали и вернуться ему не удалось. Иконка была завешена белой, всегда чистой занавеской, заглядывать за которую нам строго настрого запрещалось. Да мы и не стремились этого делать – нельзя, значит – нельзя. А пакостить в крестьянских семьях не принято.

Узкая лестница за печкой вела в подпол, где хранились запасы овощей на зиму: «горы» картошки, морковь, свекла, тыквы, бочки с солёной капустой и огурцами. С другой стороны подпола, ближе к стенке, хранилась резиновая обувь, бочонок с гашёной известью, а в дальнем углу, под полом горницы, на зиму составляли около десятка пчелиных ульев. После новогодних праздников пчёл приходилось подкармливать сахарным сиропом. Кормлением не раз приходилось заниматься мне, поэтому страх от пчёл я натерпелся ещё с детства. Потревоженные ульи надсадно шумели и казалось вот вот пчёлы вылетят всей гурьбой и накинуться на меня...

Раз в несколько лет печь приходилось ремонтировать, а вернее соорудить заново, так как строили печи из глины, а она постепенно прогорала и никакая замазка спасти её уже не могла. Сооружение новой печи было праздником не только для семьи, но и для всех соседей. Называлось это – «помочь». Соорудить печь в одиночку сложно, да и не помню я, чтобы печи соорудили в одиночку – был это ритуал какой-то. Обычно приурочивали его на послесенокосное время. Не перед самой зимой, а перед началом осени, чтобы оставался запас времени опробовать печь и убедиться в её надёжности. Я помню, как сбивали печи в нашей деревне. Для нас, мальчишек, интересней праздника не было....

ПЕЧЬ

Занимались печью всегда в выходной день. Хозяева подготавливали все необходимое: глину, доски, молотки, вёдра, носилки... Причем глину брали только в одном месте, километра два от села, в склоне горы. Возили её на телеге. Там была какая-то особая глина, даже из соседних деревень приезжали за ней.

На сооружение печи народ собирался с утра – соседи, родственники. Ребятишки принимались за работу первыми: в огромное, сколоченное из досок корыто, засыпали глину, наливали воды и несколько человек босыми ногами топтали её до получения густой однородной массы. Взрослые в это время делали самую неприятную работу – разламывали старую печь и выносили мусор из дома. Пыли и сажу хватало, чтобы перепачкаться всем собравшимся. Потом мужики принимались сколачивать из досок каркас новой печи.

Когда подготовительные работы заканчивались, следовал основательный перекур. Мужики и парни смывали и оттирали с лица сажу, степенно заворачивали махорку, властно покрикивали на ребятишек. После перекура, с шутками и прибаутками принимались носить глину в дом, где утрамбовывали её острыми деревянными молотками. Особой сноровки не требовалось, но нужен был один человек, мастер, который руководил бы всей работой и следил за качеством. Это с виду только просто – забивай глиной деревянный каркас и все дела. Печь серьёзное сооружение и все собравшиеся беспрекословно подчинялись указаниям мастера. Обычно до обеда основная работа заканчивалась. Оставалось вывести чувал, дать немного подсохнуть утрамбованной глине и печь можно было разжигать.

Объявлялся перерыв – все участники сооружения печи рассаживались за большим, широким столом, наспех сколоченным из досок прямо на улице. Не знаю, по каким законам, но хозяину для сооружения печи всегда выписывали с колхозного склада свежего мяса. Холодильников в те времена по домам не было и в летнюю пору супом из «свежатины» можно было полакомиться только за

общественными столами на артельных работах: посевной, сенокосе, уборочной. Сооружение печи относилось к такой же артельной работе. По традиции за большой общественный стол, вторым заходом, усаживали всю ребятню, которая к тому времени случалась возле дома хозяев. И были те нехитрые похлёбки из свежего мяса чем-то необыкновенно вкусным. Женщины охотно подливали добавки и мы, ребятня, уплетали так, что «трещало за ушами».

Уже остограмленные мужики сбивались в кучку и с их стороны слышался дружный хохот. В нашей деревне всегда, если мужиков собиралось больше трех, от их компании раздавался хохот – над чем они смеялись, я не понимал, но завидовал мужикам и мне всегда хотелось попасть в их компанию, смеяться на равных с ними. И сейчас вот, вспоминая то время, думаю, хорошие были мужики, и отношения между ними были хорошие, иначе ведь не расхохочешься. Бабы убирала со стола, а ребяташки заводили какие-нибудь свои игры – лапту, третьего лишнего, прятки, догонялки или еще что-нибудь такое, о чем сейчас и не вспомнить. Главное, все игры были азартные, подвижные, и ненавязчивые.

Перекур заканчивался зычным призывом мастера. И вновь глина и грязные ноги. Теперь, по подсохшему каркасу делали затирку и сооружали чувал. Опять молоточки долбили приготовленную в корыте глину. Чувал выводили почти до уровня крыши, а дальше к нему прикрепляли металлическую трубу.

Вот и все готово. Мастер звал в дом хозяев, закладывал в печь сухих дров и поджигал уложенный между дровами кусочек бересты. Разгорались дрова тяжело, дым в сырую трубу идти не хотел, его выкидывало в избу, но постепенно ему всё же удавалось пробиться по сколоченному из досок чувалу и он принимался весело куриться над домом. В печи, между тем, вместе с дровами обгорал тесовый каркас. Огонь набирал силу и остановить его теперь могла только глиняная одежда, утрамбованная умелыми руками мужиков. Доски каркаса выгарали, спекая при этом сырую глину в единое огнестойкое сооружение.

Завидев дымок из трубы, ребятня бросала свои игры и

весело колготилась вокруг дома. Степенно выходили мужики, рассаживались и как должное принимали из рук хозяйки по стакану домашнего пива. (Брагу на дрожжах, сахаре и с добавлением ягоды, у нас уважительно называли пивом. Возможно от того, что минимальный набор пива: сахар, хмель и ягода, применяли только ленивые хозяева и получалась действительно брага, а каждая уважающая себя хозяйка имела свой рецепт приготовления этого напитка. Случались тут и травы, порой не меньше полусотни, мёд, коренья – в каждом роду сохранялись свои давние традиции приготовления домашнего пива).

Женщины, глядя на свежий дым из трубы, вновь накрывали на стол. Теперь уже не просто для обеда, теперь для обмывания печи. К сожалению, детей за этот стол больше не пускали.

Все работающие на сооружении печи быстро расходились по домам, приводили себя в порядок и, прихватив «захребетника» (у мужчин – жена, у холостых парней – девушка, ну а если не было ни того ни другого, могли привести кого угодно – брата, сестру, дядю, тётю), быстро возвращались. Начиналось гуляние, то есть обмывка печи. Хозяин не скупился, а то ведь не ровен час, зимой можно оказаться в холодном доме. Были такие случаи, что в разгар морозов печь вдруг переставала топиться. И ни какими тайными силами это не объяснить. Просто мужики умели проучить жадных и завистливых хозяев. Деревня!..

Вообще, мне отчего-то кажется, что в прежние времена народ жил дружнее, сплочённей и веселей. Сооружение печи тому подтверждение. А гулянки такие, что в доме и повернуться бывало негде, и чаще всего, народ собравшийся компаниями выходил с песнями и плясками на широкие улицы села. Весело было всем – детям, старикам и, конечно, же тем, кто изрядно зарядился хмельным пивом.

СОСЕДСКИЕ ПЕЛЬМЕНИ

Из детства вспоминается, как угощала нас соседка пельменями. Ох, какая это была вкуснятина! Дома таких пельменей не бывает. И я всегда удивлялся – сколько же

времени им пришлось их лепить, если угощала она всю нашу уличную ораву, а это не меньше двух десятков прожорливых мальчишеских ртов. У них самих было трое мальчишек, девчонок тоже трое, но с ними мы не играли. Не знаю уж по какому случаю, но захотелось хозяйке дома угостить нас всех пельменями, всех мальчишек, кто бегал с их сыновьями по льду крепко замерзшей речушки, катался на лыжах с крутых гор, морозными зимними вечерами забивался в чей-нибудь теплонатопленный дом и слушал сказки старенькой бабки. Все у нас было вместе – и учеба, и работа, и игры, да и такие вот совместные обеды тоже были не редкость. Но чтобы нас кто-то угощал пельменями, да всю ораву сразу – такое было первый раз.

Жили соседи в обычном пятистенке – горница и куть, как у нас тогда это называлось. В кути огромная глинобитная печь с голбцем и полатями, где большую часть времени и проводили дети. В горнице камелёк, кровать родителей, этажерка с книгами и большой стол. Так вот пригласила нас всех соседка на пельмени. Побросав в огромную кучу у порога обледеневшие пимишки и фуфайчонки, мы стыдливо пробирались в горницу. А на разгорячённой плите камелька уже стоял ведерный чугунок с кипящей водой, и соседка сбрасывала туда мороженые пельмени. Много пельменей. Нас хозяйка усадили за два стола, в кути и горнице, но места всё равно всем не хватило. «Несмелым» пришлось размещаться на кровати, да на приступке печи. А вот пельменей хватило всем. Пока мы справлялись с первой варкой, в огромном чугуне уже доходила вторая. И до чего же они были вкусными, соседские пельмени!

В доме было жарко, сытно, радостно и волнительно. От того, наверное, что каждый из нас впервые познавал что-то большее, чем просто набить желудок вкусной едой...

Период такой был в государстве. Люди, пережившие войну с её голодом и холодом, познав утрату родных и близких, привыкшие делиться последним куском хлеба, последней мёрзлой картофелиной, постепенно «становились на ноги». Достаток приходил не сразу и привыкали к нему с опаской, было удивительно есть досыта и без оглядки на завтра.

Люди радовались переменам, позади осталась не только война, позади полтора десятка лет, которые потребовались народу для поднятия страны. Вот и соседка, успевшая родить после войны шестерых, радовалась, что будущее у её детей нормальное и угощала всех мальчишек пельменями...

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ

Для каждого из нас нет на земле места ближе и родней того, где он родился и вырос. Вот и для меня с каждым годом становится ближе и милей моя родная деревенька.

Село Ынырга – родина Владимира Григорьевича Бахмутова.

Виноват я перед ней, что пятнадцать лет отроду бросил её, как оказалось, насовсем. Можно найти массу оправданий, и они будут обоснованными – не один же я такой, почти все мои одноклассники уехали из села, да вот только это как раз всегда мешает мне убедиться окончательно в своей правоте.

Поездил я по свету немало, специальность досталась бродячая, да и родители, видно, заложили тягу к путешествиям. Но если бы кто-то спросил меня: будь твоя

полная воля и возможность, где бы ты хотел прожить остатки дней своих? Я бы не задумываясь ответил: «в Раю», в местечке, где родился и вырос. В деревне нашей, на её окраине есть уголок земли с таким не совсем скромным названием, на котором ещё до революции поселился мой прадед Андрей, да так и оставалось место нашим, фамильным. Получается, конечно, как у того кулика, который своё болото хвалит. Однако ничего поделать с собой не могу, потому что сердце больше нигде не прикипело.

К сожалению, сейчас местечко с красивым названием пустует. Причин тому, что не удержалась фамилия на облюбованном клочке земли много. Крепко разорила хозяйство революция, потом 37-ой забрал деда, ну а дети его – враги народа, постарались как-то затеряться в «толпе» и с родословной не вылезать. Мы же, его внуки, покидали местечко Рай с сожалением и с уверенностью, что сумеем «выйти в люди» и вернуться на родину. «В люди вышли», да и позабывались по городским квартирам...

Впрочем, есть и ещё одна причина, отчего райское место перестало притягивать нас к себе. В пору моего детства было оно действительно – Раем. Усадьбу дед Андрей расположил на сухом берегу небольшой, но своенравной речушки. Вдоль берега, где раскинулась усадьба, полосой метров в двести тянулся чистый луг, постепенно переходящий в залесенное низкорослым березняком болото шириной не более полукилометра, за болотом начинались пологие горы удобные для выпасов и сенокоса. И где-то вдалеке, на горизонте, небо подпирали вечно белые скалистые вершины. Противоположный берег реки был сплошь покрыт кедровым лесом. Вода, на говорливых каменных перекатах, бурлила и пенилась, вызванивая замысловатые мелодии, а на широких плёсах растекалась ровной гладью, отражая берега и голубое небо. Любил я слушать незатейливую музыку мчащейся по камням воды, вглядываться в прозрачные волны стремящиеся от стремнины к прибрежному песку и ни о чём не думать. Часто в волнах можно было увидеть тёмные косяки гальянов-краснопёрок – мальчишками мы черпали их прямо вёдрами и кормили куриц. Рыбы в ту пору в реке было столько, что клевала она на голый крючок. На зиму каждая семья в

деревне заготавливала рыбу мешками. На болоте росла клюква – её запасали бочками.

На другом берегу, в кедровой тайге, свой мир – там и орехи, и грибы, и ягоды. А уж дичи! С десяти лет у меня было своё ружьё и без рябчиков с охоты я не возвращался. Весной и осенью на болоте останавливались табуны уток, гусей, журавлей. Пасеки в деревне были почти в каждом доме. Знатной пасечницей была и моя бабушка. В войну семья спаслась только мёдом да картофельными лепешками.

Но всё течёт, всё изменяется. В истоке реки образовался золотодобывающий рудник и первым делом принялся перемывать драгами русло, отыскивая золотой песок. С тех пор чистой воды в моей деревне уже не видели. Даже тем, кто жил на берегу и всегда брал воду из реки, пришлось копать колодцы. Рыба не захотела «дышать» золотоносными и ртутными отходами и покинула когда-то благодатные места.

С образованием в деревне совхоза мелиораторы принялись осушать болото. Избороздили его вдоль и поперёк глубокими канавами, но результата не добились, только клюква расти перестала, да деревья посохли.

Развернувшийся под боком леспромхоз добрался и до кедрача, безжалостно оголил, смешал с землей всю таёжную растительность вокруг деревни. Вдобавок ко всем бедам, осыпали наше село с самолёта дустом – вроде как для уничтожения энцефалитных клещей. Вытравили всё живое: рябчиков и косачей, козлов и маралов, пчёл и бабочек, последнюю рыбу в реке и комаров – только клещей не убавилось.

Такая вот горькая доля досталась моему селу. И я не слукавил, сказав, что остатки дней хотел бы прожить в местечке, где вырос, но только при этом мне бы ещё хотелось, что бы было там всё как тогда, в пору моего детства.

Но без надежды оставаться нельзя, считают мои земляки и не покидают село. Да вроде некоторые перемены и наметились: золотокопатели перебираются за перевал и больше не станут промывать в истоках нашей речушки руду и глину, рубку кедра запретили полтора десятка лет назад и посадки его, сделанные заботливыми руками работников лесхоза и учеников школы поднялись выше человеческого

роста, появились первые рябчики, а кое-кто в деревне пытается даже разводить пчёл. Может быть, когда-нибудь природа вылечит себя и наше фамильное местечко вновь можно будет называть – Рай. Если не нагрянут новые варвары, то и у меня есть надежда попасть на старости лет в «Рай».

РЕКА МОЕГО ДЕТСТВА

Река моего детства проложила своё русло по необъятным просторам черневой тайги. Она, конечно, не столь многоводна, но назвать её речушкой не могу только потому, что я там вырос, и в моём детстве она была первой настоящей рекой.

Как все реки в Горном Алтае, река эта живописна и своенравна - она постоянно подмывала глинистый берег и приближалась к нашей и к нескольким соседским усадьбам. Помню, как в теплые летние дни, случайно оказывавшиеся свободными от прочих забот: сенокоса, огорода и так далее выдалбливали мы с отцом и соседями в её глинистых берегах уступы, буквально выдалбливали, поскольку глина в берегах реки была настолько твёрдой и неуступчивой, что лопатой её удавалось ковырять с большим трудом. Такие глины я впоследствии встретил в берегах и русле реки Маймушки, что в устье своём несёт воды через славный град Горно-Алтайск. В некоторых местах дно этой реки не каменистое, как на всех горных реках, а сложено из той самой глины, которую лопатой удаётся скovyрнуть с трудом, и постоянному бурному потоку воды, который сбивает с ног, размыть её не удаётся. Выдолбленные в берегу выступы давали возможность весеннему паводку растекаться шире и гасить скорость водяного потока, к тому

же в половодье они просто забивались льдом, тем самым сохраняя берег от размыва. Наша смекалка спасала дома, стоявшие в опасной зоне. К сожалению, подобный способ не мог дать полного избавления от размыва, и река не переставала медленно наступать на наши усадьбы.

Окончательный укорот строптивной реки сделал только появившийся в хозяйстве села бульдозер, он безжалостно исковеркал всё русло, и камни с его дна переместил к глиняному берегу. Русло приняло безобразный вид, но до коренных берегов теперь паводковая вода добраться не могла, а река стала выглядеть неестественно, словно ей переломили хребет. Произошло это в то время, когда я уже странствовал по свету белому и воспрепятствовать обезображиванию берегов и русла не имел возможности. И в этой связи описывать стану только ту реку, которая осталась в памяти моего детства.

В знойную летнюю пору да в пору бабьего лета река, выражаясь по-деревенски, была «воробьишкам по колёно». Вспоминается замечательное время, когда меня, ещё не достигшего семилетнего возраста мальчонку, на сенокос не брали, оставляли дома присматривать за младшей сестрой, обязав между тем массой дел по хозяйству. Первым делом необходимо было вымыть посуду после утреннего завтрака всей семьи. Маме во время сенокосной поры заниматься посудой было некогда. Поднимали меня перед уходом, ещё раз давали наставления и оставляли полновластным хозяином в доме и на усадьбе.

После завтрака, не дожидаясь пробуждения сестрёнки, я собирал всю посуду и нес её в реку, которая от нашей калитки была в двух десятках шагов, раскидывал чугушки, чашки, кружки, ложки на неглубоком плёсе. Потом присаживался на поросший мелкой травкой бережок и с удовольствием принимался смотреть, как прожорливые пескари и гольяны налетали на остатки пищи в сброшенной посуде и моментально поедали её. В это время я вспоминал о том, что мама наказывала накормить кур. Брал стеклянную банку, совал внутрь кусочек хлеба, обвязывал её тряпчочкой с проделанной маленькой дыркой, отпускал банку в воду, рядом с чашками. Вновь усаживался на берег и наблюдал, как

в исключительно прозрачной воде рыбёшки забираются в банку поесть дармовой хлеб. Когда рыбы набивалась полная банка, я быстро поднимал её и относил трепыхавшихся пескарей и гольянов курам. Чтобы накормить большую стаю горластых и ненасытных птиц, операцию с банкой и хлебом приходилось проделывать несколько раз. Иногда, правда, чтобы не возиться с банками и не терять время, мы с моим другом, соседским мальчишкой Васькой брали маленький бредешок, сделанный из старой тюлевой занавески, и шли на перекат – гольяны там, прямо на быстрянке, стояли плотно друг к другу. Их большой косяк совершенно нас не боялся, нам оставалось только подвести под них свой короткий невод и поднять его. За один раз попадалось столько, что курам хватало на весь день. Самое интересное, что после нашего улова гольянов на перекате меньше не становилось, они вообще, казалось, стояли там постоянно.

Мыть посуду не хотелось, и я, насмотревшись на плавающую в чашках и чугунках рыбу, принимался смотреть на далёкие заснеженные горы, мечтал о том, чтобы поскорей вырасти и быть таким же сильным и умелым, как отец. Так же помогать соседским одиноким тётенькам метать стога сена, после этого приходить домой слегка навеселе и раздавать ребятишкам конфеты. Но больше всего почему-то хотелось полететь, именно полететь, за те горы, которые видел с рождения, и посмотреть, что же там за ними творится. Мне всегда казалось, что там сплошные чудеса. В то время из своего села я ещё никуда не выезжал.

Мечтания мои прерывал громкий крик сестрёнки. Она выходила на крыльцо и орала во всю свою девчоночью мочь, спекулируя тем, что если я за ней не поухаживаю в должном порядке, то она пожалуется родителям, и они меня накажут. Ох уж эти девчонки, они рождаются с уверенностью в собственной исключительности, а уж если находят объект для измывания, отступить от него не могут. Всё это не раз подтверждалось в моей последующей жизни. Пришлось бежать в дом и выкладывать ей в чашку остатки каши, наливать в кружку молоко, чистить яичко и отрезать хлеб.

После еды Алёна немножко добреет, но ненадолго. Ей

вдруг хочется найти вчерашнюю соломенную куклу, которую ей недавно подарила бабушка, но куклы нигде нет, и на всё избу вновь раздаётся такой вопль, который остановить или переслушать у меня не хватает сил, и я убегаю на улицу.

В банке с хлебом вновь полно пескарей и голянов. Вопль из дома не прекращается - осердилась на меня сестричка. И тут уж я вспоминаю присказку бабушки: «на сердитых волки в лес по нужде ездят», и не пытаюсь даже заниматься поиском пропавшей куклы.

Дикий вопль прекращается неожиданно, и пред моим ликом предстаёт моя разлюбезная сестричка. На лице её нет и следов нестерпимой горести. После испытанного стресса я взял сестрёнку за загривок и подвёл к воде. Она не сопротивлялась.

- Умывайся, - строго приказал я.

И удивительно, сестрёнка умылась и защебетала, как утренний соловей.

- Помоги мне косичку заплести.

Я торопливо причёсываю растрепавшиеся за ночь мягкие волосы и привычно заплетаю косичку. После этого оставляю сестрёнку, дав ей приказание помыть в реке все чашки и чугулки. Мне же настало время бежать, поскольку возле своего дома в ста метрах от нас появился Васька. Он чуток постарше меня и всегда задирает, но от дружбы с ним я не отказываюсь.

В том месте, где живёт Васька, речушка наша, делая изгиб, вымыла в русле большую яму, подходить к которой родители мне запретили. Ну а Ваське, поскольку он старше, в этой яме купаться не запрещалось. Конечно, купаться там страшновато, глубина мне по шейку, но я, несмотря на запрет родителей, тоже давно там купаюсь. А вот на краю деревни есть на реке ещё одна большущая яма, там мне и Ваське с ручками, туда мы не ходим.

Солнце распалилось не на шутку, прижигает даже. Я сходил к Алёнке, вместе мы собрали и занесли в дом посуду и вместе же направились к Васькиной яме. Оставлять сестрёнку дома одну родители мне запрещали. Детворы к тому времени на Васькиной яме собралось изрядно, все

ныряли и плескались, и так перебултыхали воду, что от её утренней чистоты и прозрачности не осталось и следа – слабый поток не успевал проносить поднятый со дна ил. Вода была тёплая, вылезать из неё не хотелось, и мы ныряли, плавали, плескались, играли в догонялки. Алёнка и несколько её подруг, забредут по колена, усядутся в воду и болтают ногами. Забродить глубже никто из них не отваживался. Здесь влияли не запреты старших, а скорее врождённое чувство самосохранения, вероятно, у деревенских детей оно формируется с молоком матери.

Вдоволь накупавшись, посинев и покрывшись «гусиной кожей», мы разваливались на горячем, обжигающем тело галечнике. Когда озноб проходил, перебирались на мягкую пахучую траву, которая была чуть подальше от прибрежных камней. И там начинаются наши детские деревенские игры, чего только не было - вспоминать, бумаги не хватит. Основное, конечно, борьба. Боролись мы и попарно, и команда на команду по своим, давно устоявшимся в деревне правилам, основным из которых было положить противника на лопатки.

Порядком вымотав себя борьбой, мы принимались играть в спокойные игры, чаще в ножичек. Нужно было умело втыкать его в землю, кидать нож полагалось по строго определённой программе: с пальчиков, с локотка, с плечика, с носа, с санки, с живота и так далее, всего сейчас и не вспомнить. Все приёмы были выстроены по нарастающей сложности. Если нож из какого-то положения не втыкался в землю, кидающий выбывал из игры и становился в конец очереди, а новый игрок начинал всё сначала. Была и масса других забав, вроде современных тестов на сообразительность. В ход шли загадки, прибаутки, скороговорки – «день-то он долгой», - как говорила всё та же бабушка, но благодаря забавам пролетал незаметно, за играми, да купанием, порой мы и про обед забывали.

В тот день мы так разыгрались, что не заметили, как на небе появились белые симпатичные облачка, которые быстро превратились в тёмные и закрыли солнце. Потянул тёплый упругий ветер. От неожиданно нахлынувшего сумрака и ветра сделалось непривычно зябко. Понимая, что

скоро начнётся дождь, а может и ливень, мы заторопились по домам. Прихватив Алёнку, побежал домой и я. Ветер всё усиливался. Куры засуетились во дворе, петух, вскочив на забор, громко заголосил, потом торопливо слетел с изгороди и важно закружил вокруг кур, пытаясь, вероятно, оградить их от надвигающегося бедствия.

Небо между тем сделалось совсем чёрным, особенно если смотреть на него из окна дома, куда мы с Алёнкой торопливо заскочили. Низкие облака, скрывшие от нас горизонт и горы, проносились быстро и, казалось, цепляли крыши домов. Удивительного, конечно, ничего - просто собирался дождь, и я даже подсадовал, что на сенокосе не успеют донести стога сена, и их промочит.

Где-то за горой тихонько громыхнуло. Ветер на мгновение прекратился и деревья, раскачивающиеся перед окнами ветками, словно замерли. Но уже через несколько минут всё село осветилось ярким всполохом света, и следом громыхнуло, и теперь не где-то далеко, а прямо над головой. Потом ещё несколько подобных всполохов и ужасного грома, от которого закладывало уши. Мы с Алёнкой забрались на кровать, в самый дальний угол комнаты, и сидели молча. Острые пики молний принялись сверкать почти без перерыва, и каждый раз после ослепительного света слышались жуткие раскаты грома, то слегка приглушённые, а то такие, что, казалось, уши не выдержат треска и грохота.

Так продолжалось до тех пор, пока редкие крупные капли не зашлёпали по водной глади спокойной ещё речки. Мне почудилось, что я слышу, как они стучат по тёплой воде. Мы боязливо перебрались к подоконнику и стали с интересом и страхом смотреть на ужасы, происходящие на улице. Ветер неожиданно усилился, вода в реке заиграла гребнями волн, надсадно зашумели листвой стоящие у дома берёзы и тополя, а облака теперь проносились так стремительно, что превратились в одну сплошную массу, поглотившую не только горы на горизонте, но и крыши соседних домов.

Дальше сделалось ещё страшнее, ветер поднялся такой, что от большого тополя, стоящего рядом с домом,

обломился тяжелый сук, и вся его огромная сырая масса повалилась на дом. К счастью, до стены достали только верхние кончики веток. Мы моментально отпрянули от окна и вновь забились на кровати, плотно прижавшись друг к другу. Молния и гром не прекращались, и казалось, что в доме было совсем темно.

Медленно начинавшийся дождь вдруг громко загрохотал по деревянной крыше, а вскоре с неё вместе с водой покатились большие градины. Когда родители были во время града дома, они всегда бежали накрывать огуречные грядки специально приспособленными для этого досками, которые лежали рядом. Хотел побежать на спасение огурцов и я, но Алёнка так вцепилась в мою руку, что вырвать её я не смог а, может быть, не так уж сильно и вырывал, потому что выбежать под летящие градины и сверкающие молнии мне было страшно. Вода с градом сплошным потоком скатывалась с крыши, далеко отлетая от дома. Вот уж действительно - ливанул как из ведра.

В какой-то момент белых градин стало пролетать меньше, а водный поток, казалось, только усиливался. Сколько времени продолжался ливень, сказать сложно, давно уже прекратились раскаты грома и перестали сверкать молнии, понемногу унялся ветер, а вода с неба обрушиваться не переставала, поток её с крыши не уменьшался.

Но конец бывает всему, постепенно стал затихать и ливень. Мы с Алёнкой вновь боязливо подобрались к окну. Вся земля в палисаднике была усыпана белым горохом, листья от тополя валялись на земле вперемешку со слоем града, а те, что удержались на дереве, свисали с него безобразными ошмётками. Что творилось в огороде - из окна видно не было, и мне стало обидно от того, что я не успел накрыть огурцы досками.

Только речка оставалась прежней, со слегка почерневшей от нависших туч водой. Приказав Алёнке сидеть у окна, я выскочил на улицу. Босые ноги ожгли градины, но я с азартом принялся шлёпать по этому холоднящему месиву. Добравшись до речки, было приятно ощутить, что вода в ней почти горячая.

Я с удовольствием бродил по тёплой воде, пока не услышал нарастающий шум со стороны горы. Обернувшись, я не поверил своим глазам. Маленький ручеёк, который промыл когда-то широкий овраг в склоне горы и который летом практически терялся в болотце между рекой и склоном, катил огромный грязевой вал, прямо на моих глазах заполняющий маленькое болотце и неизбежно устремляющийся в реку. Я с удовлетворением отметил, что наш дом построен чуток выше русла ручья, и огромный вал воды и грязи его достать не сможет. Видно, смышлёный был мужик, который выбирал место для дома.

Заглядевшись на мощный поток ручья с горы, я забыл про Алёнку, которая выбралась на крыльцо и, как обычно, стояла и голосила, показывая при этом пальцем на реку. Взглянул на реку и я и не поверил своим глазам. Она вышла из берегов! Грязная вода несла мелкий сор, сломленные ветром ветки и сбитую градом листву. Хорошо, что мы с Алёнкой не поленились и перенесли в дом отмывающуюся посуду, теперь бы её река проглотила мгновенно.

Я быстро заскочил в ограду и присел на крыльцо, Алёнка обняла меня и присела рядом. Вода в реке прибывала на глазах, стремительно выходя из берегов. Хозяйским оком я стал прикидывать, что может затопить река на нашем берегу, если вода прибывать не перестанет, в чём сомневаться не приходилось, глядя на бешеный ручей, который быстро превратил маленькое болотце в озеро. То, что вода не поднимется до дома, я был уверен, а вот несколько десятков пихтовых брёвен, которые отец заготовил в верховьях реки ещё зимой, а с паводком, когда весной после ледохода держалась большая вода, приплавил к дому, вполне могли быть затопленными. Из брёвен отец собрался построить новую баню, вытаскал их лошадью на берег, на безопасное от подтопления место, и они спокойно подсыхали, дожидаясь своего часа.

Вода прибывала. Она поднялась уже до уровня, который бывает весной. По реке теперь несло не только сор, но и деревья, где-то упавшие с подмытого берега, какие-то доски, брёвна... Небольшие переходы через реку, которые отец строил каждый год, перехлестнуло водой, сорвало с места и

стремительно понесло вниз по течению. Ребятишки, только что купавшиеся в тёплой воде, бегали теперь по берегу, стараясь поймать что-нибудь интересное в проносившихся волнах, весело смеялись и не обращали внимания, что босые ноги озябли от неуспешного растаять града. А вода всё прибывала. Я увидел, что она подбирается вплотную к нашим брёвнам. Что делать, не знал, сил вытащить их на берег у меня не хватало. Я метался от бревна к бревну, а они, постепенно раскачиваясь на воде, отправлялись в дальний путь.

Но история с брёвнами закончилась благополучно. Ниже по реке, за поворотом, жил древний дедок по имени Нато, гроза всех мальчишек, так вот он по причине своей дряхлости от покоса тоже был «освобождён» и целыми днями копошился на своём дворе. После ливня Нато стоял на берегу и наблюдал за разбушевавшейся рекой, а когда мимо поплыли наши брёвна, он их выловил и затянул на берег.

Подниматься вода перестала, когда уровень её дошёл до самой калитки. И хоть я понимал, что подъём её прекратился окончательно, всё равно было страшно. Вместе с Алёнкой мы сидели на крыльце и тихо плакали – было жаль побитые огурцы и уплывшие брёвна. И в это время мы увидели бегущего к нам отца. Он обнял нас с Алёнкой и долго что-то тараторил, как он сам потом не раз рассказывал, что очень боялся за нас, боялся, что напугаемся грозы – всё дорогу с сенокоса мчался бегом. Не переставая плакать, я рассказал про брёвна, про сильный град, про сломанную ветку тополя, но отец только махнул рукой и долго держал меня с Алёнкой на руках.

- Давно такой грозы не было, да и река летом так сильно редко разливается, - проговорил он уже спокойно, когда сидел на крыльце и заворачивал махорку.

И тут с соседнего берега кому-то потребовалось попасть на нашу сторону на лошади. Река бушевала, отец попытался остановить бедолагу, но тот смело направил коня в бушующий поток. Результат долго ждать не заставил - вода сбила коня. Первый раз в жизни мне довелось видеть, как плавают кони, а седок оказался смышлёным - от гривы

лошади не отпустился. Смотреть на это было довольно забавно, над водой маячили две головы, лошади и человека, частенько скрывающиеся из вида. Нашего берега они достигли метрах в трёхстах ниже по течению.

Через некоторое время пришли мама и старший брат. Они, как и отец, принялись обнимать нас и целовать. Я думаю от того, наверное, что в чистом-то поле на сенокосе им пришлось тоже несладко, а может быть и намного страшней, чем нам под крышей и в тепле. За неукрытые огурцы меня не ругали. Мама только всплеснула руками, увидев в огороде побитую градом и поваленную ботву.

Но самое удивительное, что ещё не успел растаять насыпавшийся кучами град, а тучи на небе разбежались, выглянуло солнце и стало вновь тепло и радостно. А вот вода в реке начала спадать только к вечеру и окончательно пришла в норму дня через два. Всё это время купаться нам не разрешали. Отец привёз из леса на лошади одно большое бревно, вновь соорудил через успокоившуюся реку переходы, и жизнь пошла своим чередом, а воды в русле вновь осталось столько, что на перекатах реку можно было перепрыгнуть по камешкам, не замочив ботинок.

...Бурно разливалась река и весной. Толстый лёд образовывал заторы, подпирал берега, и связь между ними на какое-то время прерывалась полностью. Чтобы не пропускать занятий, в школе нам приходилось жить на другой стороне у родственников или знакомых. После ледохода на реку спускали лодку, и связь восстанавливалось. Когда я учился в старших классах, через реку построили большой деревянный мост, который выдерживал весенний ледоход - необходимость в лодочных переправах отпала. Да и река, казалось, дурить стала меньше, а старожилы села принялись с гордостью заявлять: «Вот раньше-то вода в паводок была!..».

Много воспоминаний связано с речушкой моего детства. Например, о рыбе. Было её столько, что хватало всем. На удочку ловили только мальчишки да совсем немощные старики. Помню, и мы со сродным дедом Иваном, когда мне было лет пять, отходили от деревни с километр, усаживались на берегу большой ямы и закидывали удочки.

- Яма эта бездонная, - заверял дед Иван. И совсем уж тихим голосом добавлял. - Раньше в ней водяные жили, да и сейчас, поди, живут.

Не думаю, чтобы он верил в эти сказки, меня, видно, пугал, чтобы я ненароком не полез купаться да не утонул.

За час-полтора мы надёргивали ведёрко чебачков и отправлялись домой. Весной рыба поднималась на икромёт в теплые маленькие ручьи, осенью спускалась на зимовку в глубокие ямы на больших реках. В период перехода ловили её сугенями и мордушками: перегородят небольшой участок русла, и рыба сама забиралась в западню. Обычно мужики, кто не ленился, делали такие ловушки у своего дома.

Я уже упоминал, что ниже нас жил одинокий дед Нато. В любое время года он был с рыбой – весной и осенью ставил мордушки, летом бродил с удочкой, а зимой на больших ямах да перекатах добывал налимов. Как-то мы с мальчишками по сумеркам просмотрели его сугень и вытащили из неё с пяток добротных ускучей весом, наверное, по килограмму каждый. Обрадовались несказанно – это ведь ни какие-то там пескари да чебачишки. Но что делать с добычей, не знали. Домой не понесёшь, родители поймут, где мы взяли рыбу и накажут. Решили спрятать, а назавтра пойти в лес и зажарить на костре. Положили в ямку возле дерева, закрыли травой и отправились по домам. Назавтра вместо рыбы мы обнаружили только тщательно обглоданные скелеты. Оказывается, рядом с деревом был большой муравейник, который мы в потёмках не заметили.

Потом, когда я стал постарше, мы с братишкой по всем «бездонным» ямам на нашей реке не раз прошли с неводом. Бродить по воде тёплыми летними днями было большим удовольствием. К сожалению, все ямы оказались с дном, да и водяных мы не увидели нигде. Рыбы брали не больше ведёрка, поскольку в то время в нашей деревне не только холодильников, но и электричества не было, и хранить её было негде. В бредень попадали таймешата, ускучи, хариусы. На удочку, на червя или на мошку не было проблем наловить рыбы в любое время. Бабушка наша не любила, когда мы ловили рыбу на червя, и если узнавала об этом, сразу отрезала рыбе головы и выкидывала курам.

Брезгливая была, как кержачка, но рыбные пироги уж больно любила.

Когда начинался осенний или весенний перелёт птиц, на реку часто садились утки и гуси. Поднимаясь рано, отец, не выходя из ограды, стрелял, а наша дворовая собака Белка приносила добычу. Добывал уток и я. В те времена не было запрета ни на ружьё, ни на возраст, с которого им можно пользоваться. Так что была наша маленькая речушка и кормилицей и поилицей.

В начале ноября речка перемерзала. Гладкий, ровный и прозрачный лёд был для нас верхом радости. Бегать и кататься по нему мы не боялись, поскольку глубоких мест на реке не было. Доставали с чердаков самодельные санки, привязывали к пимишкам коньки, в основном снегурочки, дутоши в то время были роскошью, и проводили на гладком льду все вечера.

К концу ноября, когда мороз сковывал реку серьёзнее, а на лёд выпадало столько снега, что расчищать его мы не успевали, на большом плёсе против нашего дома мы с помощью старших мальчишек оборудовали круговую катушку. Вмораживали в лёд металлический лом, надевали на него колесо от телеги и к нему привязывали прочную жердь длиной метров шесть, а к её концу крепили лёгкие санки. В колесо от телеги, между спицами вставляли палки и при помощи них раскручивали всю конструкцию. Самое сложное было - на огромной скорости удержаться на санках.

В декабре морозы крепчали, лёд на реке толстел, и если был малоснежный год, наступал такой момент, когда от заберегов выходила наледь. Вода густо парила, поедала неглубокий снег на льду и, прихваченная крепким морозом, схватывалась исключительно гладким льдом. Для нас это была ещё одна возможность от души покататься на коньках, санках, да и просто на оледеневших пимишках по его ровной глади.

И ещё одну очень хорошую службу сослужила мне река. Мальчишки моего поколения сплошь мечтали стать летчиками и космонавтами. Мечтал и я. А для этого, я знал, - надо иметь крепкое здоровье, надо закаляться. Я обтирался снегом, делал зарядку, а в классе в восьмом принялся с

осени купаться по утрам в той маленькой ямке, что была недалеко от дома. Втянулся в этот процесс так, что и с наступлением холодов бросать купание не захотелось, а когда лёд сковал речушку, принялся по утрам долбить прорубь и окунаться в неё. Всю зиму купался. Отец на такие мои выкрутасы, так он это называл, смотрел с ухмылкой, а вот мама одобряла. Закалка эта в жизни мне во многом помогла. И здоровье покрепче стало, а главное - вера в себя появилась и убеждение, что если возьмусь серьёзно - многое смогу.

Не могу не вспомнить ещё один эпизод, касающийся нашей реки. Когда мне было лет десять-одиннадцать, для деревенского мальчишки это солидный возраст, учительница географии устроила нашему классу поход к её истокам. Вот уж открытий и впечатлений для нас было! Что и говорить, до этого времени дальше соседнего села, что в десяти километрах, многим из нас бывать не приходилось, а на дальние горы на горизонте мы смотрели как на что-то недостижимое. Время для похода выбрали после окучивания картошки, перед сенокосом – была в ту пору у деревенских детей такого рода отдушина на пару недель. Тепло в это время. И трава в лесу хоть и высокая уже, но ещё мягкая, ласковая. Учительница, Надежда Степановна, распределила, что должен взять из продуктов и снаряжения каждый из нас. Она хорошо знала, как живут семьи её учеников, и обязала всех взять что-то доступное. Да в те годы особенно-то и не мудрили с едой: картошка, молоко, яйца, сало, хлеб да зелень с огорода – вот и весь нехитрый набор походного провианта.

Вышли мы рано утром, в то время, когда в деревне выгоняли на пастбище коров. У каждого увесистый вещмешок и телогрейка. До покотины добрались быстро, дальше по одному берегу реки начинались покосы, а по второму стеной подступала кедрово-пихтовая тайга с редкими опушками. На привал остановились на Каменном перекате. Речушка со звоном пробивалась сквозь большие, поросшие мхом, каменные глыбы.

Надежда Степановна рассказывала нам о строении земли, о водовороте воды в природе, о деревьях и растениях.

Запоминалось всё сразу, я до сих пор помню те рассказы.

Дальше мы двигались по едва заметной тропинке вдоль берега реки, перебираясь через большие и маленькие её притоки. Пойма в большей степени была заболочена, среди огромных кочек встречались маленькие озёрки, на которых гнездились утки. Маленькие утята цепочкой плавали за уткой, но стоило нам появиться, все они быстро прятались в траве.

Второй привал мы сделали на границе покосов нашей и соседней деревушки, которая расположилась на нашей же речке и была последним населённым пунктом на ней.

Дальше для многих из нас начиналась непознанная земля. В деревню мы заходить не стали, обошли её краем большого, засеянного овсом поля. Когда вновь приблизились к реке, остановились на обед. Речушка теперь стала значительно меньше, мы насчитали несколько больших притоков, которые впадали ниже. Но ямки и перекаты на реке были ещё достаточно глубоки, и несколько мальчишек, вырезав таловые удилища, помчались рыбачить.

Мы развели костер, соорудили перекладину под вёдра и поставили кипятиться воду. Надежда Степановна предложила сварить пшённую кашу, но только она приготовилась засыпать пшено в ведро с кипящей водой, с реки раздались взволнованные выкрики мальчишек:

- Ура, поймал!..
- И я поймал!..
- И я!..

Удивительного не было ничего. Весной рыба поднималась по реке на нерест, обживала небольшие ямки и до осени спокойно жировала на обильной кормом реке. Ловить в этих отдалённых местах её никто и не пытался, нормальным рыбакам добычи хватало в пределах получасовой ходьбы от дома.

Девчонки тут же принесли несколько ещё трепыхавшихся больших хариусов, и Надежда Степановна, отложив пшено, предложила им чистить картошку. За каких-нибудь полчаса на каждого участника похода было поймано по большой рыбине. Уха получилась на славу!

После обеда мы вновь двинулись по дороге, которая

тянулась вдоль реки. Поля теперь попадались реже, всё больше с обеих сторон подступала тайга. Пойма реки сплошь заросла талиной и черёмухой. Высокие лопухи и крапива, густо перевитые хмелем, делали пойму практически не проходимой. Стараясь не уклоняться от поросшей травой дороги, мы медленно продвигались вверх.

Кедры встречались редко, основным деревом в этом месте оказалась пихта. Она здесь намного выше тех, что росли вокруг нашей деревни, острые их пики подпирали небо, а под кронами сухой, пахучий ковёр иголок – никакой дождь не мог промочить вечнозелёную крону.

- Пихты иногда достигают высоты сорока метров, - рассказывала нам Надежда Степановна на привалах. – Возраст до двух сот лет. А самое высокое дерево в мире – баобаб - растёт в африканских саваннах и может прожить до пяти тысяч лет.

О многом рассказывала мудрая учительница, мы охотно слушали и мысленно переносились в жаркие тропики, в холодную тундру, в Антарктиду – всё в рассказах Надежды Степановны было интересным.

После пары привалов речушка наша, к истокам которой мы держали путь, превратилась в ручей. Теперь, наверное, в ней не только хариусов, но и голянов не было. Она прижималась от одного скалистого бомчика, к другому и дорога каждый раз перепрыгивала с берега на берег. Мы переходили её по камешкам.

Дорога вдруг упёрлась в поскотину с невысокими воротами. Впереди виднелись строения. Уже давно мы шли по тайге без всяких признаков деятельности человека и были уверены, что до истока реки людей и жилья больше не встретим.

- Это пасека, - сообщила нам Надежда Степановна, - если будете себя хорошо вести, то я попытаюсь уговорить деда Егора оставить нас у него на ночлег.

Мы, конечно, согласились, тем более что уже порядком устали и готовить ночлег в лесу не хотелось. Дед Егор с огромной рыжей бородой, красным лицом и лукавыми глазами, быстродвигающимися под густыми бровями, принял нас гостеприимно. У него на костре мы сготовили

ужин, а ели за большим столом под открытым небом. К чаю дед Егор принёс запашистый мёд в сотах. Спали вповалку в большом сарае на свежем душистом сене.

Следующий день выдался сложнее. После пасеки дорога закончилась окончательно. Вдоль речушки, теперь превратившейся в звонкий говорливый ручей, мчащийся по валунам, тянулась поросшая травой тропа, на которой часто встречались сваленные поперек деревья и густые заросли тальника. Вероятно, теперь по тропе не ездили. Продвигались мы медленно, кое-где для расчистки приходилось пускать в ход ножи и топоры. Иногда встречались небольшие полянки, и тогда открывался чудесный вид на горы, большинство из которых оказались внизу. От разнообразия красок на таких полянках рябило в глазах. И не какие-нибудь тощие ромашки да одуванчики заполняли безлесное пространство, а натуральные заросли марьяных корней, иван-чая, пучек, кипрея, маральего корня и ещё сотен диковинных цветов, названия которых знала только Надежда Степановна. Напоенный свежими запахами воздух кружил голову!..

Пообедали на одной из таких полянок. Река теперь превратилась в совсем маленький ручеек, пробивающийся между камней. Берега ручья в большинстве своём были земляные и высокие – весенние и дождевые паводки размывали в рыхлом, плодородном слое большие овраги. Подойти к воде во многих местах было невозможно. Подъём становился значительно круче, а тропа потерялась окончательно. Вероятно, та тропа, по которой покоряли водораздел дикие звери да ездили на лошадях редкие путники, а она обязательно есть на каждом перевале, отклонилась немного в сторону и пролегла по косогору. Наша же задача была – найти исток реки. Теперь нами овладел азарт – должен же когда-то закончиться этот подъём, поскольку ручей практически остался без воды. Склон неожиданно стал выполаживаться, а сквозь густые заросли леса появились просветы с голубым небом. Лес начал редеть.

Вскоре мы вышли на большую и почти ровную поляну, в центре которой спокойно поедали сочную траву два

марала. Не сказав ни слова, Надежда Степановна, а она шла первой, медленно подняла руку, и маралов увидели все, даже девчонки. На удивление они не стали кричать и подпрыгивать от восторга, а замерли, осознав серьёзность ситуации. Сколько изящества и красоты было в двух диких животных! Большой марал с огромными, в несколько отростков, рогами и маралуха с высоко вскинутой головкой на тонкой шее. Марал изредка резко поднимал голову, принюхивался, медленно обводил глазами поляну, успокаивался и вновь принимался щипать траву. В густых зарослях звери нас не замечали, а ветер, тянувший с перевала, уносил наши, непривычные для тайги запахи, вниз по долине реки. Мы долго любовались гордыми и красивыми зверями, жаль, что единственный фотоаппарат был без телеобъектива. Постепенно наш разговор и восхищения стали громче. В какой-то момент марал вновь резко вскинул голову и, обнаружив нас, в несколько больших прыжков скрылся в лесу, маралуха помчалась следом.

- Вот мы с вами и дошли до истока реки, до перевала, - принялась объяснять нам Надежда Степановна, когда возбуждение от встречи с маралами стало утихать. Мы скинули котомки и расселись прямо на земле в том месте, где только что паслись дикие звери. – Это хребет Иолго, если мы будем продолжать путь дальше, то попадём в бассейн реки Катуня, а наша речка впадает в Бию. Сейчас мы на водоразделе.

- Значит, вода здесь разделяется?

- Да! И встречается только при слиянии двух рек, образуя Матушку-Обь, - подтвердила учительница.

Мы медленно и с радостью впитывали навалившуюся на нас информацию. Вокруг всё было загадочным и завораживающим: огромное голубое небо над головой, горы, раскинувшиеся на десятки километров в одну и другую стороны, сама земная твердь, отчего-то казавшаяся неустойчивой.

Когда сознание вновь вернулось в наши головы, я был удивлён знаковому месту, на котором нахожусь: вот, положим, повернулся я в одну сторону, плеснул водицу,

повернулся в другую, сделал то же самое, а они, водицы эти, только через сотни километров встретятся! Почему-то мне верилось, что при встрече они узнают друг друга. В моём детском мозгу было много фантазии.

Больше всего нам понравился завораживающий вид на горы. В эту раннюю пору цветения глаза слезились от ярких красок. Обширная поляна с синими кандыками и огромными бутонами марьяных корней, с пробивающимися между ними жёлтыми огоньками и сиреневыми кукушкиными слезками, изредка разбавленными небесного цвета венеринными башмачками, обрамлялась на горизонте белоснежно-серебристой короной острых пиков. Снег в середине июня покрывал далёкие горы почти полностью, и сахарные их вершины подпирали изумительно голубое небо. Склоны гор, которые были ниже снежных вершин, были покрыты лесом, и контуры их расплывались в голубоватом мареве. Горы, которые были ближе к нам, красовались сочной весенней зеленью. Было удивительно смотреть на многообразие оттенков зелёного цвета: от ярко налитых до пепелно прозрачных, сливающихся на горизонте с голубым небом.

Там, внизу, пока мы поднимались к перевалу, к истоку реки, видеть заснеженные горы из-за густого леса мы не могли. Усевшись на самом перевале полукругом, мы долго любовались открывшейся для нас красотой и с интересом слушали рассказы Надежды Степановны о лесах, горах, реках, зверях и травах.

Было сказочно-торжественно. Ближе к вечеру горы вдали высветились отчётливей и ярче, очень хотелось посмотреть закат, но на перевале не было воды и, чтобы успеть подготовиться к ночлегу, нам пришлось спуститься по руслу реки вниз до первого родника. Спать мы устроились под кронами вековых кедров в самодельных шалашах.

Назавтра, к вечеру, мы уже были дома. Тот поход запомнился нам на всю жизнь.

Такой вот получился у меня рассказ о моей маленькой речушке детства. Хотя о ней ещё можно говорить много, она этого заслужила - помогла в начале жизни. Да и потом часто

поддерживала тем, что ночами снилась, когда я был от неё вдалеке...

ВСТРЕЧА С ШУКШИНЫМ

В пору взросления судьба уготовила мне встречу, которая повлияла на всю оставшуюся жизнь. В крайнем случае, мне представляется, что без этой встречи я мог бы стать совсем другим человеком. Очень много в нашей жизни зависит от случайностей. А когда начинаешь задумываться о них серьёзно, приходят отчего-то очень несуразные мысли – случайности-то могут быть и не случайны! Возможно, кто-то руководит и направляет нами в жизни?!. Но это я уж совсем далеко забираться начал в своих размышлениях, тем более что от «первичности материи» пока отходить не собираюсь...

Так или иначе, но в начале моей жизни, в 1971 году, осенью, я встретился с В.М.Шукшиным. Вернее сказать, просто видел Василия Макаровича. Произошло это очень буднично. Был я в том году студентом четвёртого курса геодезического института, и человеком, удачно отработавшим преддипломную практику на необъятных просторах холодных российских окраин. Труд по освоению безбрежных просторов тундры был не лёгким, за него я получил приличную денежную компенсацию. И видно, проснулся во мне предок – золотоискатель сибиряк, после удачного сезона наматывающий на ноги бархатные портянки. Уговорил я свою подругу (с тех пор верную жену) и предложил несколько дней осени провести на берегу Чёрного моря. Подруга, на удивление, согласилась. В один из дней отдыха, уставшие от купаний в солёной воде, от походов по подвалам Массандры и прочим достопримечательностям Ялты, решили мы сделать прогулку по морю, тем более что нас обещали отвезти на теплоходе так далеко, что «берегов не будет видно».

Проходя по нижней палубе, моя подруга обратила внимание на мужчину средних лет, одиноко стоявшего у перил ограждения.

- Ты знаешь, кто это? – почти полушёпотом спросила моя подруга, когда мы прошли мимо мужчины.

- Нет, - с безразличием ответил я, торопившийся занять удобные места на верхней палубе. Но на одиноко стоящего человека всё же посмотрел.

Опершись на перила, стоял мужчина годами ближе к сорока, не полный, не высокий, со скуластым лицом, которое напомнило мне что-то родное, сибирское. Но как я не силился, отыскать в уголках своей памяти человека, напомнившего мне малую родину, не мог. Кстати, мужчина этот всё время прогулки так и простоял на одном месте, пристально вглядываясь в морские волны, а когда подали трап, быстрой походкой направился в сторону города.

- Это же твой земляк, - продолжила подруга, когда нам, наконец, удалось занять удобные места на верхней палубе. – Неужели ты не знаешь? Василий Шукшин!

- А он что, знаменит? – как-то даже обиделся я, понимая, что вновь начинаются намёки на мою деревенскую неосведомлённость. В те времена мне действительно было трудно угнаться за городскими сверстниками – ведь и телевизор-то я первый раз увидел, когда поехал поступать в институт. Они же, городские девчонки, все последние кинофильмы просматривали, всех артистов знали наперечёт.

- Да ты что! Ведь это же он снял фильм «Живёт такой парень», - и пошла, и пошла воспитывать меня моя невеста. Пришлось терпеть.

Вернувшись в Новосибирск, я засел в библиотеку, слова подруги – «это твой земляк», меня задели. Перечитал всё, что было к тому времени опубликовано Шукшиным и о нём. И чем больше я читал его рассказов, интервью, киноповестей, я чувствовал, что душой прирастаю к этому человеку, что мы единомышленники! Как-то вот так, сразу, стал этот, незнакомый до поры человек, мне понятен и дорог. Мне захотелось чего-то достичь, научиться мыслить и работать по-шукшински. И как казалось просто это вначале, так, погружаясь в серьёзность писательской работы, я стал понимать, что взваливаю на плечи ношу посильную только избранным. Но тем и сладостен любой труд, что, сумев его выполнить, появляется уважение к себе. Не себялюбие, а вера в себя, уверенность, что сделанное не предел. С прочтением каждой новой книги Шукшина, во мне крепла уверенность,

что и я смогу рассказать о моих земляках просто и доходчиво, неторопливо и образно, как это делает мой земляк. И главное: я почерпнул у Шукшина замечательное качество и стараюсь его придерживаться до сих пор: не балаболить о своих намерениях, работать до пота, верить в успех, и до поры молчать о своих удачах.

Я был поражён работоспособностью Василия Макаровича, и какие-то разговоры про его беспробудную пьянку, для меня были просто нелепы. Он очень торопился: «Сплю с зажатыми кулаками, могу треснуть от напряжения», - писал он о себе. И не раз задумывался я: «Зачем уж так-то было растрачивать себя?» Жил бы как все, как депутаты наши лощёные, например – говорит такой о народе, а в глазах ни живинки, плутоватые глаза так и бегают.

Известие о смерти Василия Макаровича застало меня в безбрежных просторах Таймыра. Долго не мог понять – конец это для меня или пора уже становиться на ноги самостоятельно. К тому времени я уже как-то свыкся с мыслью, что вот поскитаюсь ещё немного по просторам родины, наберусь жизненного материала и сяду писать рассказы и повести – и первое же свое произведение повезу к знаменитому земляку. Жизнь рассудила иначе – со смертью Шукшина, я почувствовал, что осиротел. Да разве только один я осиротел – страна потеряла большого писателя! Разве кто-то ещё может вот так ясно и выразительно говорить: «Бывает летом пора: полынь пахнет так, что сдуреть можно. Особенно почему-то ночами. Луна светит, тихо... Неспокойно на душе, томительно. И думается в такие огромные, светлые ядовитые ночи вольно, дерзко сладко. Это даже - не думается, что-то другое: чудится, ждётся что ли. Притаишься где-нибудь на задах огородов, в лопухах, - сердце замирает от необъяснимой, тайной радости. Жалко, мало у нас в жизни таких ночей. Они помнятся».

В память о Шукшине люди стали в день его рождения собираться на его малой родине. Стал приезжать на гору Пикет и я, да в огромной толпе народа задумываться о прожитом годе, о планах на будущее, о жизни вообще. Василий Макарович говорил, что не нужно «шлёпать многозначительно губами», что в каждом из нас должно быть

что-то от настоящего, вот этим, поиском настоящего, я и проверяю себя всегда, своих друзей проверяю, стараясь не уходить от намеченных когда-то истин. Не всегда это удавалось. В рассказе «Обида», герой Шукшина выступил против подхалимства и угодничества. «Что за странное желание угодить продавцу, чиновнику, хамоватому начальству?! Угодить, во что бы то ни стало! Ведь сами расплодили хамов, сами! Никто же нам их не завёз, не забросил на парашютах. Сами!» Как верно и узнаваемо! Кто из нас не был в подобных ситуациях? Оно, может быть, и действительно спорить и убиваться по пустякам «себе дороже». Куда же мы придём, давая полную свободу мещанству и хамству. А как поступил бы я, сумел бы кинуться на "хамство" с молотком?

Народ по достоинству оценил заслуги Шукшина – с каждым годом поклонников его таланта на горе Пикет становится больше. Чтения 2009 года дают основания предположить, что уже через несколько лет огромная гора не сможет вместить всех желающих. И не беда, что чиновники всеми силами пытаются придать празднику политизированную окраску – народ правду знает.

ПОСЫЛКА

После окончания института и службы в армии я женился. Поторопился, конечно, но что уж теперь. Медовый месяц да и весь первый год жизни прошёл у нас в местах, слишком суровых по климату - на полуострове Таймыр, за полярным кругом. За те места никогда никакой народ не воевал и не стремился занять огромные пространства вечной мерзлоты. Сейчас, насколько я понимаю, ситуация изменилась: «воюют» даже за льды Антарктиды – и там есть залежи нефти. Но я не об этом. Когда мы жили на Таймыре, почта к нам в экспедицию приходила очень редко, ну а уж про телефон мы и не думали – вся связь с миром по рации. Из продуктов питания, кроме изобилия мяса, сушёных овощей и фруктов, ничего не было. Ну а нам, молодым, так хотелось чего-нибудь нормального, вкусенького.

На нефтеромысле. Фото 1989 года.

Родители мои, живя в деревне, очень часто отправляли посылки, благо по деньгам это было вполне доступно. Несколько раз присылали обыкновенную картошку. Для нас желанней подарка не было. А однажды, в самый разгар лета, мама отважилась послать стеклянную (пластиковых в то время не было) баночку с полевой земляникой. Стеклянная баночка множества перезагрузок и длительной транспортировки не выдержала и разбилась, но сок душистой полевой ягоды пропитал всё содержимое фанерного ящика, и приятней этого запаха я, наверное, ничего в жизни и не помню. К нам прилетело настоящее материковское лето! Мы долго не выбрасывали запашистый ящик, представляя полевой зной, молодую сочную цветущую траву с пчёлами и огромный луг.

НА АНГАРЕ

Так случилось, что после средней школы попал я в экспедицию на изыскания Богучанской ГЭС на Ангаре. Самое интересное - родители не опасались, что в экспедиции я могу сгинуть и в прямом и в переносном смысле этого слова. Спасибо им за то, что верили в меня – эта вера, вернее уверенность в себе закалила меня на

многие годы. А попал я в такие условия, что если бы видела моя мама, она тут же забрала бы меня домой и уж больше никуда не отпускала.

Тайга, медведи, пожары, переправы через горные реки, палатки - это мама могла предположить и допустить, а, учитывая, что я вырос как раз в таёжном посёлке, её это особенно не пугало, она верила, что с подобными трудностями я справлюсь. А вот о чём она не знала и не могла знать, так это о десяти тысячах московских тунеядцах, принудительно выселенных из столицы на таёжные просторы Красноярского края. Вот уж народец! Кого только там не было. Таксисты, спортсмены, артисты, жулики, несостоявшиеся ученые и инженеры. Публика в большинстве своем пьющая и не приспособленная к таежным условиям жизни. Местное население в деревнях от них дистанцировалось и дальше колхозных конюшенок и бань не пускало. У нас же в экспедиции рабочих рук постоянно не хватало, поэтому не гнушались тем, что «Бог послал».

Тут мне есть даже чем погордиться. Дали мне бригаду из этого «московского сброда» и «выкинули» в маленькую деревушку на берегу Ангары. На прощание начальник предупредил: «Если будут пить, отправляй на базу экспедиции». Торопить тунеядцев я не стал, спокойно перенёс их пьянку в несколько дней, а потом заставил работать. Хоть и были там все старше меня, но они меня уважали за то, наверное, что не «настучал» начальнику про их недостойное поведение, не отправил на базу. Работали как шёлковые.

По молодости лет всё было интересно а, главное, я никого и ничего в то время не боялся.

Совсем мальчишкой попал я на реку Ангару, на изыскания Богучанской ГЭС. И хоть была в то время Иркутская область озарена электричеством, низовья большой реки, пробивающей свой путь уже по просторам Красноярского края, только готовились к освоению.

Передвигались мы на лошадях, жили в палатках, электричества не видели вообще. По тем временам это называлось романтика и меня подобная жизнь устраивала

вполне. Мне всё было интересно, особенно уклад жизни поселившихся когда-то давно и сумевших выжить в этих местах русских первопроходцев.

Как-то однажды оказалось, что по соседству с нашими палатками в покосившемся доме жила одинокая старуха, которая постоянно была в хозяйских заботах. Коровы она уже не держала, но огород, куры, свинья – не оставляли ей времени на отдых.

И вот однажды эта старуха попросила меня расколоть ей дрова. О вознаграждении она не говорила, сказала только не совсем понятную мне тогда фразу:

– Ты мне уважь, я тебе завсегда.

Дрова я поколол, не надеясь, конечно ни на какую компенсацию своего труда, просто было жалко старуху. Однако, в тот же день старая женщина принесла огромную чашку горячих пирожков, которых хватило на всю нашу братию. Потом пошла картошка, рыба, сало – мне с каждым разом становилось неудобно от её щедрот.

А по жизни взял я на вооружение правило той старухи с Ангары. Человеку кроме уважения да доверия особенно-то ничего и не нужно. И если к нему по-человечески, он тебе «уважит завсегда».

Давно это было, ещё во времена моих скитаний по Таймыру. Там, в необжитых и суровых местах, свои законы. Люди, которым под силу перенести длинную полярную зиму и летний зной с гнусом, сильные люди. Мне даже кажется, что замешаны они из другого теста. Народ добродушный, но в обиду себя не даёт.

Помню, рассказывали у нас в экспедиции случай об охотнике. Приехал он на свой участок, привязал оленя на берегу кормиться, а сам отправился на рыбалку. Тут откуда невозмись, появляется вертолёт, из открытых дверей раздаются выстрелы, а когда пилоты поняли, что «завалили» домашнего оленя, быстро закинули его в вертолёт и постарались побыстрее убраться с этого места.

Несколько дней добирался на долблёной лодчонке охотник по реке Тунгуски до Туруханска. С карабином зашёл на стоянку вертолётов, отыскал тот, который увёз у него оленя и сделал в него несколько выстрелов. Суд охотника оправдал...

ЧЕМАЛЬСКАЯ ГЭС

Когда мне было около тридцати, работы почему-то наваливалось столько, что «спина трещала». В геодезии, после того, как весь день оттопаешь ногами, очень много приходилось камералить (вычислять, чертить), все это как раз я и оставлял на вечер. Понятно, семья, двое маленьких детей, всё требовало времени. Ну и иногда удавалось книжку прочесть, просмотреть периодику, в дневник чиркнуть что-нибудь. На сон времени оставалось совсем мало. Экспедиция наша стояла в Чемале, красивом посёлке в самом центре Алтайских гор. К государственной электроэнергии поселок ещё подключён не был, электричество вырабатывали несколько дизельных станций, да маленькая ГЭС, на которой постоянно что-то выходило из строя.

*Обсуждение проблем гидроэнергетики на Алтае.
Слева направо: Н.Малков, В. Бахмутов, Ю. Тошпоков.
Фото 1993 года.*

Случались поломки и на дизелях, а потому перебои в электроснабжении были не такими уж редкими. Иногда по техническим причинам, или просто из экономии горючего на ночь свет отключали.

И я, измотанный за день и усталый, отключение электричества воспринимал за счастье – появлялась возможность нормально выспаться. Злился, правда, при этом,

что намеченные планы не выполнены, но отключения света ждал как блага – главное и перед своей совестью вроде как оставался прав.

ИНЖЕНЕРНЫЙ РАЗГОВОР

Довелось как-то летать на вертолете с группой американцев по Горному Алтаю. На заре перестройки это было, когда нам казалось, что все у нас получится. На турбазе Ак-Кем вертолет забрасывал группу альпинистов куда-то ближе к Белухе, а у нас выдалась пара часов свободного времени. Один из гостей был гидротехник. Еще в Горно-Алтайске, с помощью переводчика, мы обсудили много проблем использования горных рек. Ну, а так как были уже знакомы и – коллеги, не сговариваясь, направились к тому месту, откуда из озера, с отражавшимися в его суровой глади пиками гор, покрытых ледниками, вытекала многоводная река, пенистые волны которой были столь мощны и завораживающи, что мы долго не могли оторвать взгляда от бушующего потока. Когда, наконец, оторвались и появилось желание поделиться впечатлениями, вспомнили, что переводчик остался на турбазе. И тут, не помню уж кому пришла эта мысль – мы стали писать палочками на песке формулы, которые едины во всем мире и которые характеризовали могучий поток воды, проносившийся мимо нас. Мы считали напор и расход, мощность и киловатты энергии, устремляющиеся вниз, рубли и доллары, которые можно было получить, построив здесь ГЭС. Переводчик нам не требовался...

С ТАКИМИ НЕ ПОЛЕТАЕШЬ

Неудержимо летит время! Совсем вроде недавно, в 1990 году, поселился я по клику Ю.А. Лебедева, директора инженерного центра «Силэн», на «солнцеликом» Байате, а прошло уже больше двадцати лет.

Бабырган, первая вершина в большой системе Алтайских гор, если приближаться к ним с северной стороны. Высота над уровнем моря больше километра, в ясную погоду видна из Бийска и даже Троицка. От Горно-Алтайска Бабырган в

пятнадцати километрах, защищает город от степных ветров с севера. Вершина скалистая, подпирающая небо несколькими острыми пиками. Склоны с середины горы отлогие, переходящие во всхолмлённую равнину, которую омывает красивая река Катунь. В народе ходят легенды, что в отрогах скалистой вершины закопано золото Чингисхана и Колчака, которое они спешно прятали, поскольку «тащить» награбленное в горы было тяжело.

С вершины Бабыргана открывается чудесный вид на бескрайние степи с северной стороны и на большой горный массив к югу, отмеченный в туманной дымке вершинами Чептоган, Альбоган, Адыган. Стоя там, на продуваемых ветром камнях, глядя на далёкие вершины, хочется верить в легенду о большой птице, которая перелетала с вершины на вершину, и самому хочется лететь.

Вот уже второй год забираюсь на эту вершину. Отдыхаю душой и телом.

Как-то сказал соседу.

- Поднялся в этом году на Бабырган, видишь вон в голубой дымке, - и указал на нагромождение скалистых вершин сливающихся с небом.

- Ну и что? – не понял сосед, о чём это я таком интересном хочу рассказать ему. – Я Бабырган каждый день вижу.

Когда мне говорят: «Ну и что?», - я не сержусь, хотя раньше очень переживал, я просто понимаю, что стоит передо мной совершенно инфантильный человек и стараюсь перевести тему разговора. С такими не полетаешь.

СЕМИГОРКИ

Есть в пригороде Горно-Алтайска удивительное местечко - Семигорки. Это в северную сторону – последние выступы скалистых вершин, дальше горы выгораживают и начинается степь. С этих скалистых вершин открывается изумительный вид: на юг - как на ладони Горно-Алтайск, за ним бескрайние залесенные горы с белоснежными вершинами на горизонте; на запад - огромные поля, извилистая лента Катунь, Бабырган и горы окрестностей Белокурихи; на север - мелкие сопки и поля до самого Бийска; на восток –

бескрайние поля. Люблю я бывать на Семигорках. Душа отдыхает.

В этом году, в конце мая, выдался свободный день, и я опять отправился на любимое место. Цветов там в это время не счесть: особенно много саранок, или по научному - лилий, кукушкиных слезок, огоньков, венериных башмачков. В глазах рябит от разноцветья.

Сидеть бы так, вдыхать аромат сладких трав и жизни радоваться. Так нет, не получается – крестьянин, видно, проснулся во мне, родом-то я из деревни. И вот уже хозяйским глазом начал смотреть вокруг и удивляться, что на бескрайних этих полях, отвоеванных когда-то у тайги нашими прапрадедами и еще несколько лет назад сплошь распаханых, а сейчас почти не удаётся увидеть черноту пашни. Даже картофельные деляны, примостившиеся сбоку от основных полей, засаживать никто не собирался. Неприятно стало – веками кормившая людей земля пустует! Не оказалось у нее в последние годы ни заботливого хозяина, ни доброго работника. Вот, называется, и успокоил душу!..

ЦАРЕВНА ЛЯГУШКА

В бассейн, который удобно вписался в территорию нашего садового участка, случайно упала лягушка. Может быть и не случайно, поскольку год выдался сухой и болотце за забором почти пересохло, а божьей твари захотелось много воды. Так или иначе, но однажды вечером две моих внучки с громкими криками ворвались в дом, держа на руках испуганную лягушку.

- Дедушка, смотри, что мы поймали в бассейне!

- Ну и что это такое? - стараясь делать вид, что ничего не понимаю, спросил я.

- Как что? Лягушка! – удивились моей бестолковости внучки.

- Царевна?

- Ну, Вы дедушка и даёте! Царевны только в сказках.

- А вот и нет. Ну-ка покажите её мне поближе. –

Превозмогая брезгливость, я взял лягушку в руки. - Ну вот,

так оно и есть, это та самая лягушка, которая вчера просила её поцеловать.

- И Вы поцеловали? – захихикали девчонки.

- А вы бабушке не скажете?

- Нет, конечно, - заговорщицки переглянулись внучки, готовые в любой момент бежать с докладом к бабушке.

- Вчера вечером, когда я первый раз встретил лягушку, - начал я загадочным полущёпотом, - попросила меня лягушка прийти к болотцу как появится луна.

- И вы ходили?

- Да! Когда все уснули и появилась луна, пришёл я к болотцу. Лягушка уже там. Не буду долго рассказывать, но уговорила она меня поцеловать её, – проговорил я, изображая волнение и страх. – И обернулась лягушка красивой девушкой. В царских нарядах, на голове кокошник изумрудами горит так, что и луну затмил. И пошли мы с ней во зелёный лес...

- Да сочиняете Вы, дедушка.

- Хотите верьте, хотите нет, - проговорил я с безразличием а, обратившись к лягушке, сказал: - Ну, что устала моя хорошая, не дождалась ночи, заскучала. Пойдем, я тебя от этих разбойниц укрою.

И унёс я лягушку в лес. Выпустил поближе к болотцу. А то ведь внученьки мои замучили бы её, они и без того всех ящериц в огороде переловили, да хвосты им поотрывали. Возвращался из леса я с одним желанием поскорее помыть руки с мылом.

- Дедушка, а сегодня вы будите с царевной-лягушкой встречаться? - неожиданно услышал я голос одной из внучек, когда подходил к дому.

- Конечно, мы теперь каждую ночь встречаться будем, пока луна не состарится, - ничего не оставалось мне, как продолжать игру.

- А нас возьмёте? – и с такой детской искренностью был задан этот вопрос, с такой доверчивостью, что я даже не сомневался, что мои внучки, ученицы начальных классов поверили в царевну-лягушку. Даже как-то приятно стало. Я-то уж совсем в них стал разочаровываться, когда не хватало сил оттащить их от компьютерных видиков, да от программы

ТНТ по телевизору.

НЕТУЖИЛКА

Сестрёнка у меня есть, возраст предпенсионный, жизнь была всяко, но одно, чего не перестает она делать, так это смеяться. Мама её звала – Нетужилка. Как-то звоню ей по мобильнику, просто поинтересоваться здоровьем и делами.

– Здравствуй.

– Здравствуй!

– Как дела?

– Пока не родила... – и пошёл смех. Не смех даже, а хохот навзрыд. Бывает так – смеяться хочется, удержу нет.

– А у тебя... – прорывается между смехом.

– У меня тоже семья не добавилась, – с трудом удается вставить мне.

И опять никто не может произнести ни слова кроме - ха-ха-ха...

– Ну ладно, а то мы все деньги проговорим, – находит силы сказать сестрёнка и смех её в моём телефоне обрывается.

А ведь поговорили! Эти несколько минут здорового смеха много пустых слов заменили.

РАДУГА

В детстве, наверное, все кажется красивее, чем на самом деле, а мир – совершеннее. Когда у меня хорошее настроение, я люблю вспоминать мое далекое детство. У меня не было дорогих электрических игрушек, меня не возили к морю, но у меня была природа – богатая природа Алтайских гор.

Больше всего я любил, да и сейчас люблю, раду. Столько в ней прелести и волшебства! Как-то бабушка рассказала мне, что если добежать до конца радуги и обхватить ее руками, то все люди будут счастливыми и здоровыми. Как это прекрасно – счастье сразу для всех! Я не помню, как мне представлялось это, только больше всего хотелось, чтобы не болела бабушка, а уж ради этого стоило бежать. С тех пор я стал ждать раду, даже готовился к ее штурму – для тренировки бегал. Однажды

с утра выдался ведренный день. Было тепло, солнце палило нещадно. Взрослые ушли в поле, а мы, под присмотром бабушки, с утра купались в речушке. Вода теплая, булькаясь в ней, никто не заметил, как на горизонте появилась маленькая тучка. Появилась, постояла как бы между прочим и начала расти вверх и по сторонам. Мы заметили ее, когда она разрослась до размеров, позволяющих украсть солнце.

Яркий солнечный день вмиг потускнел, стало темно и страшно. Подул ветер, сначала робкий, потом сильнее и сильнее, грозя превратиться в ураган. Блеснула молния, с треском раздался гром.

— Это Илья-пророк в своей колеснице раскатывает по небесам, сейчас дождик пошлет, — крестясь, говорила бабушка. И действительно, дождь начал капать крупными каплями. Сначала они летели редко, оставляя в лужах большие пузыри, но очень скоро хлынул ливень. Раскаты грома теперь доносились издалека и вскоре затихли совсем. Остался один ливень, да такой, что скрылся горизонт, скрылись из виду даже дома напротив. С крыш вода бежала ручьями. Но и ливень продолжался недолго, он остановился так же внезапно, как и начался. По небу теперь бежали клочки туч, они, наверное, догоняли большую дождевую тучу, а поэтому промчались быстро. И вот вновь блеснуло солнце, оно осветило все вокруг, заставило сиять капельки дождя, повисшие на листьях деревьев и траве, тысячами изумрудов. Блестело все вокруг. Лужицы, напоенные водой и веселыми лучами, слепили глаза, было похоже, что в них рассыпалось солнце.

И вдруг я увидел радугу! Крутая, ярко горящая, она уперлась концом как раз в наш огород. Я зажмурил глаза, все еще не веря, что вот она, долгожданная радуга, которая поможет мне сделать всех счастливыми. Радуга не исчезала. Наоборот, наливалась ярче. И я побежал!

Каково же было мое удивление, когда на том месте, где была радуга, ее не оказалось. Она ловко перепрыгнула теперь на берег реки и была так же хороша. Я вновь затаил дыхание и побежал. И снова неудача! Радуга дразнила меня. Было обидно и больно, что не удалось добыть людям счастье. От досады я

заплакал...

Детство давно ушло, но я часто вспоминаю мою убежавшую радугу, ту, которая после черных туч и грома могла дать счастье. Может быть, тогда я плохо бежал? В жизни все бегут за счастьем, но, наверное, счастье и есть дорога к нему, без остановок и слез. Я давно бегу за своей радугой, она то покажется, то вновь потеряется. Главное, она есть. Я ее видел!

ТОВАРИЩИ ПО ПЕРУ

Трудный путь к читателю

(Предисловие к книге «Деревенька моя» 2009 год).

Евгений Городецкий.

Первое моё знакомство с Владимиром Бахмутовым состоялось в начале 80-х, на занятиях литобъединения «Поиск» при новосибирской писательской организации. Геодезист по профессии, человек вполне зрелый, он заметно отличался от молодых языкастых литстудийцев, «поискателей», как они себя называли, в основном поэтов и, естественно, вольнодумцев, своей скованностью. Первые два-три занятия сидел и помалкивал, проникался атмосферой. Я не торопил события, почти уверенный, что приход его к нам всего лишь случайность. Но Бахмутов продолжал приходить на наши «посиделки», постепенно завязал какие-то знакомства, а в один прекрасный день положил передо мной свою довольно объёмную рукопись.

Это была проза, рассказы. Вечером я принялся за чтение и очень скоро испытал щемящую досаду. Всё было в этой рукописи – намётки характеров, проблем, тревога за экологию родного ему Горного Алтая, бытовые проблемы простых людей, не было только художественной ткани произведений, основу которой, как известно, составляет язык. И мне лишний раз пришли на ум строчки Юнны Мориц, которые в ту пору я не уставал повторять своим «поискателям»:

«Неясных замыслов величье им души собственные
жгло,

Но сквозь затор косноязычья пробиться к людям не
могло...»

Тем не менее, я проникся сознанием того, что автор лежащей
передо мной рукописи перспективен как будущий писатель, и
моя святая обязанность помочь ему, хотя бы на первых порах.

После первой «прогонки» рукопись стала читабельной,
её можно было отдавать на рецензию – я рекомендовал
Бахмутову обратиться с ней в Западно-Сибирское книжное
издательство, обещал даже дать положительный отзыв о его
произведениях и необходимое по тем временам, «протяже». Но
Владимир Григорьевич в это судьбоносное для страны
время, решил перебраться на свою малую родину и занялся
строительством дома в Горно-Алтайске. Позже я побывал у
него в гостях и могу засвидетельствовать: дом получился
превосходным, с великолепным видом на панораму гор, ну а
главное на «малой родине». Сейчас-то я понимаю, что он
давно об этом мечтал.

Встречаться мы стали реже, о себе, о своих
литературных делах Владимир рассказывал скупно, но в один
из своих приездов вручил мне свою первую книжку
«Приметы времени», изданную в Горно-Алтайске в 2001 году
– видимо, так для него оказалось сподручнее. Автором
предисловия значился одарённый алтайский прозаик Дибаш
Каинчин.

Через год вышла вторая книга Бахмутова, которая носила
название «Осенний гололёд». В ней автор остался верен своей
проблематике, очерченной в первой книжке, и тем же
литературным формам. Значительно расширился цикл
миниатюр «приметы времени», которые так же касались
современной жизни в различных её проявлениях и оказались
весьма продуктивными, по-своему дополняя и обогащая
основные произведения сборника. Редактором и автором
предисловия значилась Л.Г.Чащина и я порадовался за
Владимира Григорьевича, что на новом месте он не остался
без поддержки талантливых людей.

В 2001 году Бахмутова принимают в Союз писателей
России – факт для меня более чем отраднй. Среди

«поискателей» было не мало способных людей, однако «дожать» литературную судьбу-злодейку, стать профессионалом никому больше не удалось. Горный Алтай – страна небольшая, и тот факт, что на её литературной карте появилось новое имя, не прошёл незамеченным, тем более что у Бахмутова уже имелся свой читатель – он удивительно точно сумел обнажить «нерв» общественной жизни, мысли и настроения в его произведениях звучат в унисон читательским.

Когда мне пришлось познакомиться с рукописью третьей книжки Владимира Григорьевича «Семигорки», я был приятно удивлён, что передо мной лежала вполне профессиональная рукопись вполне профессионального прозаика. Где, в каких тайниках творческой лаборатории Бахмутова произошёл этот диалектический переход количества в качество – осталось загадкой, на которую даже сам автор, я уверен, затруднится ответить. Я же могу только вынести своё резюме: чалдонское упорство, помноженное на природное дарование, сделали своё дело. Жизнь ежечасно подбрасывала ему сюжеты и для повестей и для рассказов, а уж тем более для «примет времени». Переступив авторскую робость, Владимир Григорьевич действовал на свой страх и риск, не имея никаких гарантий на успех, он описывал характеры и события, судьбы и горести наших современников.

Однако чалдон, как говорится, и в Африке чалдон (никаких обид, он сам себя так называет). Бахмутов достиг того, что хотел, и дай ему Бог новых книг, новых творческих открытий, новых читателей и почитателей... Быть по сему!

Сын тайги черневой

(Предисловие к книге «Братья» 2009 год).

На солнцеликом Байате, на могучем плече горы Тугая, под её священной вершиною живёт прекрасный русский писатель Владимир Григорьевич с тюркской фамилией – Бахмутов. Основательно, на века, обосновался он там со своею половиною Светланой Борисовной. Построил просторный дом, дети у него, внуки, внучки... Развёл сад,

огород, словом, дано ему всё то, что положено иметь настоящему мужчине. И вдобавок ко всему этому он написал четыре прекрасные книги, на страницах которых уместились и живём полнокровно мы – его земляки, современники, благодарные читатели.

Родился Владимир Бахмутов 18 июля 1949 года в селе Ынырга Чойского района. После окончания школы, проработав полгода в Ыныргинском совхозе, не мог не поддаться романтике дальних странствий и больших строек. «Школу я закончил хорошо, и воспитатели мои, славные сельские учителя, в голос советовали учиться дальше. Родители обещали «по-колону в землю вбиться, но помогать», так что ничего другого, как двинуть в мир науки, мне не оставалось, - пишет автор в рассказе «Урок». – Провожали всем селом – как в армию. Подоспевший к тому времени лагун пива быстро закончился, закончились и напутствия. Посадили меня на лошадь, сзади – младшего братишку, чтобы вернуть животину из районного центра домой, всплакнули ещё раз и направили меня в путь новый, не изведанный из нашей деревни ещё никем».

Так начинался путь Бахмутова в Большой мир, в Большую Жизнь. Но, как оказалось позже, это стало началом познания своей малой родины, своих односельчан, самого себя, своего предназначения в жизни. Вернуться к ним, к истокам, к себе, что и составляет стержень творчества, или стержень жизни, каждого истинного писателя...

В 1967 году ему удалось добраться до Богучанской ГЭС на реке Ангаре. Это и определило дальнейшую судьбу писателя. В 1972 году он окончил Новосибирский институт геодезии. Два года отдавал долг Родине на урановых рудниках Забайкалья. Потом работал в «Гидропроекте»: вел изыскательские работы на реках Витим, Хантайка, Курейка, Енисей, Тобол, Сосьва, Кубань и других. Шесть лет занимался проектно-изыскательскими работами на Катунь. Сейчас одержим идеями малых ГЭС в Горном Алтае. При его участии составлены проекты Джазаторской, Уйменской, Язулинской ГЭС, сделаны проработки по каскадам малых ГЭС на реках Мульта и Чуя.

Нелёгко был путь этого человека в литературу.

Постоянные командировки плодотворной литературной работе не способствовали. Но именно там он приобрёл опыт, увидел жизнь. Там он находил героев для своих рассказов, там накапливал силы для творческой работы. И из того далека понял значение в жизни человека своей малой родины, своих корней. Это они дают силы ему – своему сыну, поднимают его к вершинам жизни, и сын тот, благодарный, в свою очередь должен отозваться тем же своей родине.

Печатался в журнале «Сибирские огни», в альманахах «Алтай» (Барнаул) и «Эл-Алтай», а также в ряде газет: районных, республиканских.

В Новосибирске два года занимался в литературной студии «Поиск» под руководством прозаика Е.А.Городецкого.

«Тот факт, что на литературной карте Горного Алтая появилось новое имя, не прошёл незамеченным, тем более, что у Бахмутова уже имелся свой читатель – он удивительно точно сумел обнажить «нерв» общественной жизни, мысли и настроения в его произведениях звучат в унисон читательским, - пишет Е.А.Городецкий, учитель и наставник Бахмутова. – Где, в каких тайниках творческой лаборатории Бахмутова произошёл этот диалектический переход количества в качество – осталось загадкой, на которую даже сам автор, я уверен, затруднится ответить. Я же могу только вынести своё резюме: чалдонское упрямство, помноженное на природное дарование, сделали своё дело».

«В русскую литературу Горного Алтая пришёл зрелый прозаик, со своими темами, героями, сюжетами, жанровыми формами, со своей системой эстетических и нравственных ценностей, восходящей к лучшим традициям российской классической литературы», - отмечает Л.Чащина, доктор филологических наук.

И я к мнению известного прозаика и уважаемого литературоведа-критика добавил бы, что не только пришёл писатель Бахмутов, но утвердился и занял своё место. Огромный чойско-турачакский-майминский таёжный край дал миру великого сказителя-кайчи Н.Улагашева, писателя, учёного-фольклориста С.Суразакова, поэта-литературоведа Г.Кондакова, певца Н.Воинкова. Плодотворно пишут,

работают С.Адлыков, В.Чеконов, В.Кушнаренко-Суртаева и другие. И среди них - В.Бахмутов, которого я назвал бы русским писателем черновой тайги, ибо мир его творчества – наш, интересы-проблемы – тоже наши, земные. Пишет он в русле добротной «деревенской прозы» с её усиленным вниманием к «простому» человеку, любовью к родному языку – словом с любовью ко всему родному.

Цельные, совестливые герои у Владимира Бахмутова – люди трудяги, озабоченные интересами своей семьи, судьбами своих детей, внуков. Родственников. Те, кто рядом с нами, «нашенские»... Они и есть соль земли, соль жизни.

Что составляет основу творчества писателя? Что характерно для него? Самое первое: в повестях и рассказах много-много – не перечислить – дедов и бабок, тётъ и дядь: Иванов и Егоров, Мань и Марусь... Они и есть наши отцы и мамы, наши деды и бабушки, то поколение, которое нас родило и выкормило, которому мы обязаны, что живём в Этом Мире, под Солнцем и Луною. Если подумать о них, сфокусировать их в одно лицо, то получится один Дед и одна Бабушка. Вернее русский Дед и русская Бабушка. Вот об их жизни и судьбе и пишет Бахмутов (по-моему все писатели пишут о том же). И они, тот Дед и Бабушка та, похожи на алтайских или адыгейских, казахских или там якутских... Такие же они у Шукшина или Распутина, у Белова или Астафьева... Родина-то наша - одна, и пишешь то ведь в основном о прошедшем и о том, что не забывается, потому как «скребёт».

И ещё добавил бы, что таков и сам автор. Неотделимы они – герой и автор, его создавший. Сопричастен писатель к своим героям. Не лукавит он, от сердца это идёт у него. Участливый человек автор. И это хорошо, когда писатель гармоничен, тождественен с тем, о чём он пишет. А то ведь нередко бывает так, что приходится разделять литературного героя и его автора.

Особенно обрадовала меня последняя книга писателя «Деревенька моя». Не исписался писатель Бахмутов, дай-то Бог, наоборот, набрал он себе обороты, мощно, ровно тянет у него мотор. Об этом свидетельствуют рассказы «Картофельная каша», «Бабий бунт», «Фотография или часть

биографии» и повесть «Эх, Семёновна». В этих произведениях, на мой взгляд, он достиг настоящего мастерства. Всё интереснее, мудрее и тоньше стали «приметы времени», присущие каждой книге писателя. Вот хотя бы одна для примера:

«Пока спичка горит

Изощрённые командиры в армии кричали: «Отбой!». Зажигали спичку, и пока она горела, мы должны были раздеться, аккуратно уложить одежду, лечь в кровать и приготовиться ко сну.

И сейчас моя спичка зажжена – внуки. Пока они растут, я должен успеть доделать всё, что наметил в жизни, и «приготовиться ко сну». Как ни грустно, но по-другому на этой земле не бывает».

...И вот в жизни писателя настал час: в день своего шестидесятилетия он - на Перевале Мудрости. Поднялся и остановился чтобы с высоты лет охватить новые жизненные и временные пространства, которые ему сейчас предстоит осмыслить, освоить. И само собой, как и положено, развести костерок, поставить котелок, нарвать тут же заварки и присесть... И призадуматься тихо: зачем жил? как жил? для чего жил?..

Тут я представил себя на месте писателя и воскликнул: «Хороший писатель Владимир Бахмутов! Талантливый писатель! Стоило ему жить, стоило писать!».

Пусть дом Твой будет полон ребятишек! Да набирает силу Твой сад, тучнеет Твой огород! Много Тебе перевалов и переправ и времени для дум и исканий, ибо, как писал Ты сам: «В жизни все бегут за счастьем, но, наверное, счастье и есть дорога к нему...»

Пусть Бог и Жизнь дадут Тебе озарений, чтобы написать много-много рассказов и повестей!

Искренне мало с кем, трудно сближаются в наши годы.

*Твой брат Дибаш. Месяц большой жары
(июль), год коровы (2009), Улала*

Владимир Бахмутов - писатель сибирский

Шастина Т.П., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ГАГУ

Сибирь так велика, что даже её коренные жители не упомнят наименований всех физико-географических провинций и субъектов России, разместившихся на её территории, а уж «расейские» и вовсе не представляют, что у нас, например, помимо Алтайского края есть еще и Республика Алтай (Горный Алтай), своеобразное сибирское пограничье на стыке трех государств, место сказочно красивое, таинственное, а потому сказку, миф, легенду продуцирующее и поныне.

Зато это хорошо представляют литераторы, с XIX века воображая Горный Алтай то как Швейцарию, то как Калифорнию, то как жемчужину Сибири, то как Афон, то как Беловодье или Шамбалу - любая метафора оказывается приемлемой. Объяснение этому факту нашел скандально известный современный писатель Э. Лимонов, сказав о Горном Алтае в своей «Книге воды»: «Это так далеко, что подавляющее большинство населения России не знает, где это. Это пуп Азии, если от Новосибирска, то это все время на юг, в общей сложности тысячу, наверное, километров. Это мир девственных лесов и диких гор, где трясутся на лошадках узкоглазые охотники с карабинами за плечами». Современные столичные литераторы трактуют Горный Алтай как место спасения для одинокого героя, измученного тяготами столичной жизни, или вообще как последний оплот цивилизации («Теллурия» не менее скандального В. Сорокина). В произведениях же конца XX – начала XXI веков, созданных в Горном Алтае, о горах не рассказывается – рассказывается об отношении к ним человека, горы антропоморфизируются и живут в текстах своей таинственной жизнью, на самой высокой из них обитает Хозяин Алтая, который все видит и при необходимости помогает людям.

Владимир Григорьевич Бахмутов был единственным человеком в Горном Алтае, публично называвшим себя чалдоном. Его любимым выражением было «чалдон он и в

Африке чалдон». В каждой своей книге он настойчиво повторял «у нас, в Сибири...». Прежде всего у нас, в Сибири, по-особому ощущается родство человека и природы - восторженно и молитвенно - «...словно отсюда и отсюда по капле тебя выносила Катунь, - писал в очерке «Горный Алтай» Валентин Распутин, - и где-то затем что-то сбирало в душу, хоть и рожден ты в другой стороне.. Но Родина – это не одно лишь место рождения, но и место родительства и предтечества».

О предтечестве, о своей «родове» постоянно писал Бахмутов. Род Бахмутовых, подчеркивал он, идет от русских переселенцев. Действительно, этимология фамилии писателя заставляет обратиться к теме сибирских первопроходцев (*бахмуты* или *голубые бахмуты* – так назывались сказочно красивые кони, которых разводили на своей исторической родине самые первые переселенцы в Сибирь), вспомнить их сибирское именование – чалдоны (челдоны). «Челдоны (чалдоны) – так до сих пор именуется часть ранних русских насельников Сибири. Этимология этой «кликухи» до сих пор не выяснена, но связь с Доном вполне вероятна», - говорит профессор А. М. Малолетко.

Чалдон у Бахмутова – идентификационное понятие «истинный, коренной сибиряк»: «Село славилось стариками, некоторые иногда и до сотни добирались, крепкой породы были люди. Непросто было дойти до здешних мест из-за Уральских гор. Месяцами шли. Порой останавливались на зимовки. Слабые гибли в дороге, ну а которые добирались, то разбавляли разудалую казацкую кровь кровью местных калмыков! Такая порода получилась – сибиряки!».

Профессионально заниматься литературой Бахмутов начал довольно поздно, первая книга прозы «Приметы времени» вышла в Горно-Алтайске в 2001 г.. (потом каждая последующая его книга включала публицистический блок миниатюр «Приметы времени» с подзаголовком «заметки и размышления»). Ведущий прозаик Горного Алтая Дибаш Каинчин разглядел в этой первой книге «правдивый, строгий взгляд на нашу жизнь с позиций любви и милосердия» и признал в Бахмутове единомышленника. Благословляя начинающего автора на литературный труд, Каинчин в

предисловии отметил: «У него ясная, прозрачная проза, то, что он написал, можно ощупать, увидеть. Мир его рассказов – наш, свой, интересы и проблемы тоже наши, не затридевятьземельные, не заокеанские...»

В 2001 году Бахмутов был принят в Союз писателей. Он успел опубликовать только шесть книг, а седьмой своей книгой писатель считал историю родного Чойского района, над которой он совместно с коллективом энтузиастов работал два года. В эту книгу по его настоянию был включен раздел «О заселении района русскими», где на основании архивных данных констатируется, что основу русского населения района, коренные жители которого – алтайцы и тубалары, составили выходцы из Курской, Рязанской, Вятской и Пермской губерний, из Мордовии.

Благодатные природные уголья черневой тайги переселенцы воспринимали в топике рая. «Знаю, в долине реки Ынырга есть местечко, названное когда-то – Рай. И отчетливо мне видится тот мужик, давший тому месту это название. Прodelав с семьей путь в три-четыре тысячи километров, он имел на это право. Может быть, год двигался мужик по этой дороге, а может, и два<...> Но дошел! Посмотрел на говорливую и прозрачную речушку, на стеной подступающую к берегу бескрайнюю тайгу, на ровные луга, широко раскинувшиеся по другому берегу, и невольно вырвалось у него – Рай! И не ошибся мужик...» - пишет он в «Чойской летописи». Уж если не рая – то чистого места – точно: самолично выстроенный Бахмутовым в Горно-Алтайске дом расположен так, что из окон видна двуглавая вершина Адыгана «на плечах которого, по старинной легенде, покоится Ноев ковчег» («Баловство»).

Во многих рассказах Бахмутова, написанных от первого лица, варьируется мотив обретенного рая - награды за трудный путь, проделанный переселенцами. «Вырос я в одном из таежных алтайских сел. Задолго до революции заселили его мои предки, пришедшие пешком из России. Долго они шли, но остановились действительно в благодатном месте. Здесь и тайга-кормилица, и место для пашни, река, большие долины вдоль неё, которые пригодились для сенокосов» («Ветка пихты»). «Первое

появление русских на этой земле можно отнести к концу четырнадцатого века. Беглые крестьяне, казаки перебирались через Урал-камень, пробивались через степи и находили приют у таежных жителей» («Перепись учеников»). Характерный для русской деревенской прозы образ утраченного рая был в прозе лейтмотивным, наиболее емко он явлен в миниатюре «Деревенька моя» одноименного сборника.

Смешавшись с коренным населением Горного Алтая, переселенцы сформировали здесь свою генетически закрепившуюся сибирскую ветвь. Собирательный портрет этого типа создан в миниатюре «Сибиряки»: «... широкий в кости, толстогубый, большеротый, со слегка приплюснутым носом, с высоким открытым лбом и большими варениками вместо ушей, немного валоват, слегка застенчив и улыбчив». Так выглядят потомки крепких и настырных первопроходцев, «сумевших пробиться в Сибирь и найти общий язык со всеми, кто заселял эту землю». Кроме крепости и настырности, сибиряки рассудительны и трудолюбивы. Увидев однажды крошечного первоклассника, неторопливо шагающего по пешеходному переходу, писатель тут же представил, как «его прапрадед выходил с утра на крыльцо большого и красивого дома, оглядывал неторопливо и рассудительно огромный двор, загон со скотом, плевал на руки и принимался за работу. Крепкое хозяйство нажил постоянным трудом и смекалкой. Ни во дворе его, ни в движениях ничего лишнего – суровый сибирский климат научил расходовать силы экономно и планомерно» («Деловой сибирячок»).

Эта генетическая связь с предками, с семьей проявлена в книгах Бахмутова через концепт «дом» (добротный, теплый, полный детей) и через многочисленные упоминания о дедушках и бабушках, отце и матери, братьях-сестрах, тетях и дядьях, в общем – о родне и родстве если не по-алтайски до седьмого колена, то до пятого уж точно. Каинчин отметил русскость всех этих бахмутовских Иванов и Егоров, Мань и Марусь и, одновременно, их общечеловеческие черты: «Такие же они у Шукшина или Распутина, у Белова или Астафьева... Родина-то наша одна, и пишешь-то ведь в основном о прошедшем и о том, что не забывается, потому что «скребет».

Бахмутов настойчиво напоминает, что были у него в родове то «ясашный татары», то «чистокровный улаганский алтаец: «На национальной почве у нас раздоров не случается, да и случиться не может, поскольку мы близкие родственники» («Свояки»). Но поставленный им публицистический вопрос: «Что нужно сделать для того, чтобы братство это сохранилось?» наводит на размышления.

Сибирский характер чалдонов Бахмутова, их сибирская статья и особенно их сибирский язык не оставляют сомнения в том, что писатель развивался под непосредственным влиянием творчества В. Шукшина и В. Распутина. Так же, как и эти сибирские классики, он болезненно переживает утрату старосибирских пластов языка.

И писатель, и его персонажи укоренены в алтайской черневой тайге – совершенно особом лесном поясе на юге Сибири, образ которого был наиболее живописно создан в очерке изучавшего Горный Алтай как границу ареала стихийной колонизации Сибири Н.М. Ядринцева «Странник на Золотом озере». Чернь Ядринцева – это буйство природной мощи деревьев и трав, дающих приют всякому зверю и птице; сытость и довольство человеку; это охотничьи уголья северных алтайцев (кумандинцев, тубаларов, челканцев). В XX веке политика разграбления природных ресурсов этого района привела практически к утрате национальной идентичности этих субэтнотосов, о чем с болью писал прозаик-алтаец Дибаш Каинчин в повести «Дочь тайги черневой»: «дети кедра» забыли родной язык, уничтожили вековую тайгу – «Обеднел, обнищал Алтай-кормилец, разбрелся народ в поисках лучшей доли». Бахмутов подчеркивал свою сращенность и с этой землей, и с её коренными жителями: «...в своих рассказах и повестях я не разделяю героев по национальности. У всех у нас, живущих в горах Алтая, одна судьба, одна история, одни характеры. За долгое время совместного проживания появился народ нового толка, способный жить в мире и дружбе, делать одно общее дело».

Горный Алтай как заповедная земля, самым естественным образом не допускающая урбанизации, становится у Бахмутова художественным пространством, на котором разворачиваются характерные для деревенской прозы

мотивные комплексы. Вот и в обращении к читателю в книге-завещании он констатирует: «...как не пытался выскочить из темы (все же много было в биографии интересного: геодезическая экспедиция, Крайний Север, служба в армии, нефтепромыслы – все это богатейший материал для рассказчика), но оторваться от деревни не удалось». Писателя вдохновляли и «будоражили его воображение» только алтайские горы, он страдал оттого, что линию гор, видимую из окон его высоко стоящего дома, постепенно загораживают строения и заборы...- но «двуглавый Адыган, на плечах которого по старинной легенде покоится Ноев ковчег», ...соседям закрыть не удалось, отчего я безумно счастлив». Его герои – в основном ровесники автора, видят в горах и спасение от подступающих недугов (Степан из рассказа «Восхождение»), и гарантию истинной широты кругозора: «Только с большой вершины взгляду человека открываются необъятные просторы земли, которые, ковыряясь внизу, никогда не увидишь, а главное, никогда не почувствуешь». Это чувство приходит в детстве и не покидает героев Бахмутова всю жизнь.

В последней книге писатель ищет подходы к сложной для художественного осмысления теме гражданской войны в Горном Алтае (в предыдущих книгах Бахмутова историческое время ограничивалось памятью военных лет, носители которой – последние оставшиеся в живых фронтовики и труженицы тыла – становились героями рассказов – см. «Фронтвичок», «Бабий бунт» и др.). Герои повести «Два Ивана и Саломея», случайно встретившиеся на деревенском погосте, – люди, помнящие родство. Это – главная мысль повествования, в котором исторические события XX века по-разному осмыслены людьми трех поколений. Выбор имен персонажей является ключевым моментом для формирования концепции исторической памяти в тексте. У каждого Ивана – своя память. Сопровождаемый младшим внуком девяностодвухлетний Иван Алексеевич – сын убитого красными купца Ситникова, имевшего в округе значительный вес и репутацию честного человека, приезжает проститься с могилой отца. Всю жизнь он скрывал свое происхождение, жил мыслью, «что есть у

него место, где он родился, и что это место спасет его от любых невзгод», тайком бывая на этом погосте. Деревенский житель дед Иван, сын «вредителя», высланного в 1937 г., в это утро оказался на кладбище, чтобы показать, где захоронена его родня и где надлежит лежать ему; этот Иван всю жизнь в селе прожил, до пенсии «просидел в партийных секретарях», он знал легенду о том, что «толстопузого купчину-мироеда» Ситникова красные захоронили прямо в его доме, и предполагал, что купеческая семья спокойно пребывает в «америках». Он тверд в убеждении, что «все ему должны», что «государство перед ним в неоплатном долгу». Старше его в деревне только Саломея, которая «совсем недавно наплела какие-то сказки учительнице, той, которая музей в школе организовала» о том, что она дочь купца Агаркова, скрывшегося перед приходом красных и позднее оказавшегося в Монголии. Она же за границу уезжать не собиралась, хранила и свою, и чужую тайну всю жизнь, пока «люди в деревне забыли настоящую правду».

Имя героини – не просто редкое, из «той жизни», не просто знак принадлежности к купеческому сословию, о котором в горно-алтайской литературе практически никто не писал, – это имя позволяет автору рассматривать типичные исторические ситуации XX века в ракурсе тайн общенациональной истории, напоминая о другой Саломее – Соломониде Сабуровой, первой жене Ивана III (мифической матери разбойника Кудеяра). Противопоставление «законности» жизни на родине одного персонажа и «незаконности» двух других снимается выбором места действия – на деревенском кладбище все подчиняются высшему закону, неписаному правилу – на вечный покой исстари в деревнях укладывали «по родове». Это исконное правило нарушили катаклизмы XX века – нет на этом погосте мужиков, сложивших головы в войнах. Бахмутов сталкивает своих персонажей на этом месте, чтобы восстановить порушенную традицию. Здесь, на деревенском кладбище, с которого открывается величественный вид на сибирское село в обрамлении тайги и беловершинных гор, внук Ивана Алексеевича Егор (персонажу дана народная форма имени покровителя земледелия) понимает, что он генетически

связан с этой землей и жалеет, что не взял в поездку своего сына, «которому тоже настает пора знать свою родословную». Под огромной пихтой, которую когда-то посадили Иван Алексеевич с матерью на могиле тайно захороненного зимней ночью отца, эти случайно встретившиеся люди в прямом и метафорическом смысле прикасаются к своим корням, к истории, в которой ничего нельзя изменить, но можно многое понять по-другому.

Распутинский девиз «живи и помни» как девиз деревенской прозы в целом Бахмутов попытался раскрыть на распутинском же сюжете. Герой рассказа «Укрой, тайга...» Павлик, бежавший из плена и дважды приговоренный к расстрелу, искренне не понимая, в чем он повинен перед людьми, ищет спасения в родной тайге – и исчезает в ней – ведь человек не должен изменять самому себе – таково жизненное правило всех персонажей Бахмутова. Основа его нравственного стержня закладывается в семье, формируется в каждодневных крестьянских заботах («Мужское начало», «Руки», «О деревенском воспитании» и др.). Отступление от этого правила («По полной программе») приводит необратимым последствиям.

История, Родина, родня, дом... Живи и помни это - завещает своей последней книгой Владимир Бахмутов.

Сибиряк по крови, сибиряк по духу, сибиряк по профессии (гидролог, работавший на многих крупных стройках Сибири), Владимир Бахмутов отразил в своей прозе взгляд сибиряка на жизнь Горного Алтая и Сибири в целом. Он стремился в своих публицистических миниатюрах дать оценку событий дня сегодняшнего. Считая, что свой человеческий долг на Земле он исполнил – дом построил, сад посадил, детей вырастил и внуков растить помогает, писатель добровольно взялся за дело патриотического воспитания, не скрывая свой честный взгляд на жизнь региона в общесибирском контексте, болея за все, что «у нас, в Сибири» происходит.

Владимир Григорьевич Бахмутов ушел из жизни на творческом взлете, когда его проза стала заметным явлением в литературной жизни Сибири, его рассказы печатались в «Сибирских огнях», «Енисее», «Огнях Кузбасса».

Жаль, что с его уходом некому стало в литературе

Республики Алтай сказать ««чалдон он и в Африке чалдон»».

ЗЕМЛЯКИ*3

Время скоротечно и хочется передать хотя бы какие-то крупницы живого человеческого мироощущения и наброски к портретам людей, живших и работавших в те времена, когда в домах было печное отопление, а дрова, в основном, сплавляли по речкам. Первые электрические лампочки появились в конце тридцатых годов и то на центральных улицах сел, а в домах до середины пятидесятых все еще горели керосиновые лампы!

Хочется надеяться, что воспоминания эти затронут души не только тех, кто жил в прежние времена, но и заставят задуматься нас, живущих сейчас, над большими свершениями человеческого разума и рук! Очень бы хотелось, чтобы в этих воспоминаниях не было ни одного слова вымысла, ни одной фразы из ранее изданных книг, кроме, конечно, тех материалов, без которых невозможно соблюсти хронологический ряд происшедших событий.

Певцы земли чойской

*Великий кайчи*1*

Кушнаренко В.Г.

О Николае Улагашевиче Улагашеве, сказителе-кайчи знают во всём просвещенном мире. Его произведения заняли прочное место в литературе народов СССР.

Родился Н. У. Улагашев в местечке Кам Тыт, в верховьях реки Сара-Кокши в семье охотника в 1861 году. С детства внимательно слушал истории, сказки, сказания охотников. Слушал неповторимой красоты природу Горного Алтая и пел. В 16 лет его постигла неизлечимая в то время болезнь глаз – трахома. Он ослеп. Не трудно представить его переживание и отчаяние. Но у юноши был божий дар поэта-сказителя, сочинителя-музыканта и певца-кайчи. Как знать, не сыграла ли его слепота роль поводыря в жизни. Ведь зрячий он не смог бы

вот так, до самозабвения, отдать себя великому искусству кая, а охотился бы как все охотники.

В 1936 году Улагашева принимают в члены Союза писателей СССР, а в 1939 году в сопровождении своего друга, знаменитого алтайского писателя и драматурга Павла Васильевича Кучияка, едет в Москву на съезд писателей, где Алексей Максимович Горький, вручая ему орден «Знак Почёта», назвал слепого кайчи Гомером двадцатого века.

Памятник Улагашеву

на проспекте Коммунистическом. Фото 2018 года.

Люди, которые знали певца лично, рассказывают о нём, как о человеке мудром, добром и справедливым. Слепому трудно жить, но по рассказам очевидцев он и шишки собирал, и дрова рубил – нянек для повседневных дел ему не требовалось.

Когда его приглашали на стоянки, то весть об этом, словно на крыльях, облетала всю округу. Слепого кайчи подводили к месту, которое было удобно и для него и для зрителей. Он спокойно усаживался на кошму, молча, сосредоточенно настраивал топшуур и... замирал на несколько мгновений. Зрители, словно загипнотизированные, замирали тоже. В абсолютной тишине раздавался первый звук топшуура. Звуки топшуура с первых минут вводили зрителей в настроение, необходимое по теме сказания. Наконец, сказитель начинал кайларить. В кай он вплетал пение птиц, шорохи тайги, накал

битв за родную землю... Очень-очень многое слышали в его кае безмолвные слушатели. Иногда, сердца некоторых из них не выдерживали накала эмоций, и они теряли сознание. Этих людей, молча, уносили подальше от певца. Постепенно, отлежавшись, они так же молча возвращались на своё место.

От редактора. Кай – необычная, горловая звукопередача, особый вид напевного исполнения эпоса, по особому хрипящим голосом. Кайларить – петь каем, то есть исполнять эпос.

*Алтай мой – ветер аргымак*2*

Хохолков В.Ф.

В селе Сайдыс, в семье шамана Сайму, родился сын, которому дали имя Сазон. Алтайцы из рода Чапты вспоминали, что Сайму был сильный шаман. И когда приехали к нему музейщики за его бубном, а это было в конце 20-х годов, когда закрывались церкви, изгонялись шаманы, то он, отдавая свой культовый инструмент, заметил: «Жаль, что мой сын уже не будет шаманом, но он все равно станет известным на Алтае».

Пророческие слова отца сбылись. Сын стал первым алтайским профессором, доктором филологических наук. Но это было уже в 70-х годах, чему предшествовал долгий кропотливый труд, жажда познания науки и истории родного народа.

Городок наш маленький и в те годы, казалось, все знакомы друг с другом - кто ближе, кто дальше. Вот однажды и наши пути сошлись с Сазоном Саймовичем на квартире Александра Тозыякова. Разговор зашел об алтайских песнях. Саша наступал на Сазона Саймовича с претензией, что алтайские поэты очень мало пишут песенных стихов. «Молодежь подрастает, — говорил Александр, — а песен вы, поэты, не пишете».

Эта встреча дала свой результат. Вскоре родилась из-под его пера песня «Похвала жене», которую сразу подхватил известный певец Николай Воинков. Он ее так мастерски исполнил, что после него никто уже не решался брать ее в свой репертуар. А песня получилась прекрасная!

Сазон Саймович при встрече с Николаем Воинковым всегда

громко смеялся, приветствуя его рукопожатием и восклицая (где бы это ни происходило,— на улице или в помещении): «О! Любимый мой певец! Только ты вдохновляешь меня писать песни!» Необходимо сказать, что Николай Воинков пока единственный исполнитель алтайских песен, который сохранил народную традицию и манеру подачи звука. Вот это и ценил в певце поэт.

Есть одна песня у Сазона Саймовича, которую все считают народной. А называется она «Белая береза». В 50-х годах в Горно-Алтайске жил и работал заезжий пианист и композитор Семен Михайлович Подгурский. Он-то и вдохновил молодого тогда поэта сочинить лирическую песню. Сам композитор сделал русский поэтический перевод и положил на музыку.

Сазон Саймович обладал какой-то притягательной энергией. С ним было легко общаться. Я видел, с каким интересом его слушали студенческая аудитория, преподаватели и друзья. Я видел его взволнованно выступающего в факультетском концерте, и все с той же улыбкой, как будто она, эта улыбка, была подарена ему самим Ульгеном, посетившим аил в момент рождения Сазона Саймовича в прекрасной долине Сайдыс, окруженной кедровыми падами.

*Коля-Коенок*1*

Песни... Сколько мудрости, любви и духовной красоты заложено в этом слове. Хорошая песня, да спетая вовремя, непременно раскроет вам душу и сердце, наполнит светом ваш разум. Ведь ни одна песня не слагается без любви, значит, песня и любовь неразделимы, как говорили в старину.

С детских лет Николай Воинков любил острую шутку, песни и пляски. Он родился в селе Паспаул Чойского аймака в 1928 году, в семье донского казака Воинкова Константина Николаевича, попавшего в Горный Алтай во время революции. Мать Николая Таштамышева Таисия Александровна была из многодетной алтайской семьи, очень дружной и очень музыкальной. В семье часто пели песни на алтайском и русском языках, играли на гармошке и топшуре.

В годы войны, когда отца взяли на фронт, семья переехала в Манжерок, где подросток работал в промартели конюхом. «Бывало наработаешься так, что хочется лечь и умереть, - вспоминает его близкий друг Николай Попов из Манжерока. – Кормёжка была плохая. Затируха да слизун. Приезжает Николай и давай сыпать шутками. Глядишь и мы поднимаемся, тоже начинаем шутить, петь песни.»

В 1948 году Николай Воинков был призван в армию. В 1955 году окончил Горно-Алтайское педучилище. С 1956 года работал в Горно-Алтайском театре. Заслужил подлинно всенародную любовь и известность. «Коля-Коенок» – сердечно отзывались о нём люди.

Огненные вёрсты

*Парень из глубинки*1*

«27 января 1944 года в районе деревни Балабановка, когда противник неоднократно атаковал наши позиции превосходящим количеством танков и пехоты, ефрейтор Тартыков, верный воинской присяге, преисполненный чувства священной ненависти к немецко-фашистским извергам, первым бросился на отражение вражеских атак, увлекаемая своим героизмом товарищей.

На окопы роты тов. Тартыкова мчались семь немецких танков. Лязгая гусеницами, стреляя из пушек, они надеялись смять оборону. Но ефрейтор Тартыков вместе со старшим сержантом Жеребцовым почти одновременно подбежали к фашистскому танку и с противотанковыми гранатами легли на его пути.

Через мгновение страшный взрыв потряс воздух. Вражеский танк подорвался вместе с героями-гвардейцами. Увидев бесстрашие наших бойцов, гитлеровские танкисты побоялись продвигаться вперёд и поспешно повернули обратно.

Своим подвигом тов. Тартыков заслуживает присвоения звания Героя Советского Союза посмертно.

(Из наградного листа)

Семён Владимирович Тартыков родился 22 декабря 1922

года в селе Арбачак, в многодетной семье сельских тружеников. Семён был восьмым ребёнком. Пойти в школу ему удалось только в 1933 году. В Арбачаке школы не было и пришлось ходить в село Никольское за пять километров.

После третьего класса в 1935 году, Семён оставил школу из-за необходимости добывать средства на пропитание себе и своей семье. Обучение он продолжил через несколько лет в Ыныргинской школе. Там же вступил в комсомол.

В 1941 году Семён Владимирович был призван в Советскую Армию. Хороший охотник, на войне он стал снайпером.

Совершённый С.В. Тартыковым подвиг навечно заносит его имя в число тех людей, которыми гордится Чойский район, Республика Алтай и вся страна.

*Воздушный ас*1*

Евгений Фёдорович Трофимов родился в 1920 году в селе Паспаул в семье учителя. В 1938 году поступил в Московский историко-архивный институт. Без отрыва от учёбы окончил школу снайперов.

В январе 1940 года сражался с белофиннами. Демобилизовался и поступил в Борисоглебскую авиационную школу пилотов.

С ноября 1941 года по май 1945 года произвёл 376 боевых вылетов. Сбил 22 самолёта противника. В августе 1944 года был удостоен звания Героя Советского Союза.

В апреле 1945 года гвардии капитан сражался на подступах к Берлину. Однажды, при возвращении с боевого задания, истребитель Евгения Фёдоровича был сбит прямо над рекой Одер. На левом берегу – противник, на правом – советские войска. Лётчику, покинувшему кабину самолёта, с трудом удалось приземлиться на небольшой островок. Фашисты открыли по лётчику ружейно-пулемётный огонь. Освободившись от подвесной системы, Трофимов бросился в ледяную воду и вплавь добрался до правого берега. Желание выжить, чтобы продолжать громить ненавистного врага, позволило мужественному лётчику отстоять своё место в строю до самых последних дней Великой Отечественной.

Детство, опалённое войной

Бабандыева (Акпашева) Роза Борисовна (алт. Аргачы Боорчиновна)

Кара-Торбокская земля, находящаяся в Чойском районе, знала и помнит до сих пор, что такое Великая Отечественная Война. Эта война, которая черным крылом пролетела над страной, принося людям беду, голод, сиротство. Не было ни одного места, где люди не испытывали бы эти лишения. Тяжелые испытания легли на плечи женщин, стариков и детей в тылу фронта. Основной задачей тыла была: обеспечение продовольствием, одеждой, военным оборудованием и многим другим. Когда началась война, Розе Борисовне было всего лишь восемь лет. Она училась во втором классе. До войны ее преподавателем был Алексей Анантьевич Трушкоков. В школе было всего десять человек. Алексей Анантьевич Трушкоков научил этих детей писать и читать. С началом войны он ушел на фронт, а ученики с этих пор были заняты не только учебой, но и помощью рабочим колхоза.

Роза Борисовна рассказывает, что летом они помогали в прополке зерновых на пашне, площадь которой была очень большой. Осенью, после основного сбора урожая, дети, взяв большие сумы, собирали там колосья. Ребята постарше набирали три-четыре килограмма, помладше два-три килограмма. «Конечно, труд был тяжелый, и погода осенью была холодная, но куда нам было деваться. Мы понимали, что тоже помогаем взрослым в победе над врагом». В колхозе был большой амбар, куда и уносили собранные колосья, а потом еще и завязывали снопы.

В летнее время дети не отставали от взрослых в работе: разжигали костры для приготовления еды во время покоса, приносили воду рабочим, возили копна сена на тасках. Роза Борисовна работала копновозом, тогда ей было девять лет, на своем коне Карагезе. Карагез был хорошим рабочим конем, выносливым и сильным. В памяти рассказчицы он остался

светлым воспоминанием.

В конюшне помощники следили за состоянием жеребят. По необходимости кормили их из специальных «сосков». Конюхом тогда был отец Розы Борисовны. Боорчин Баракович Акпашев. Он не пошел на фронт из-за своего преклонного возраста - на то время Боорчину Бараковичу было около семидесяти лет.

Школьники помогали и на молочной ферме: чистили загоны для коров от навоза, следили за состоянием телят.

В зимнее время дети помогали пожилым односельчанам в заготовке дров, несмотря на свою худую одежду и обувь. Дрова пилили ручными пилами. Если говорить про еду, то с ней было тяжело, как и во всей стране. Война была страшной, опустошающей. Мы ели жмых (*лепешки из зерна, которые обычно предназначались для домашних животных, коров и коней авт.*). Мама, Баранчук Каланчиновна Тадыжекова, варила из него что-то наподобие супа. Осенью жилось немного лучше, потому что мой отец ходил па охоту. Тогда мы могли себе позволить суп с рябчиком. Иногда было мясо косули. Из шкуры косули выделывали кожу на обувь. Также садили картофель. При необходимости меняли одеяла и подушки на еду. Для этого нужно было сходить в соседнее село «Республика». Осенью было много ягод, дикого лука. Ранней весной всем селом ждали колбу и балтырган (*растения авт.*). Ходили в леса за кедровым орехом»

Многие друзья Розы Борисовны после исполнения восемнадцати лет были призваны на военную службу. Эти ребята испытали не только трудное голодное отрочество, но и сам ужас военных действий. Были те, которые не вернулись обратно в свои тубаларские родные земли, а были и такие, которые вернулись. Эти герои смогли занять достойные места в мирной жизни.

Роза Борисовна сейчас на заслуженном отдыхе. Она является ветераном труда за ее спиной тридцать три года работы педагогом в школе.

Статью написана Ольга Михайловна Мегедекова, член СЖР

Белоусова Раица Андреевна

Помню себя очень рано. Мне было почти 3.5 года, я оставалась дома с дедушкой, который работал сторожем в конторе по ночам. Он садил меня на колени, называл меня «комочком». Я теребила его за длинную бороду. Он приносил с работы лощеную бумагу, это были мои игрушки.

Главное, что с содроганием вспоминаю, это голод. Он мучил в войну, не оставлял и после. Когда мама приходила с работы, приносила мерзлую брюкву, свеклу, редьку, морковь. Мы парили эти овощи, пекли и ели. А иногда приносила жмых, его я запомнила на всю жизнь, как самое вкусное лакомство. Летом мама работала на лугах, там вручную копали землю, потом садили картошку для фронта, все лето ее обрабатывали. Осенью ссыпали ее в подвал, на хранение, зимой перебирали, сортировали, затаривали для отправки на фронт. Нам, как многодетной семье, давали американскую одежду. У меня было платье в голубую полосочку, с белой вставкой на груди. Зимней одежды для меня не было, обуви тоже не было. Мама мне состыжила бурки и мне стали разрешать выходить на улицу. Укутают меня большой одеждой и ненадолго отправят погулять. Я и этому была рада, до сих пор помню запах весны и ручьев. Когда земля растает от зимней мерзлоты, старшая сестра выходила на огород и мы с ней. Руками перерывали землю, чтобы найти картошку, потом мыли ее, пекли и ели. Я со всех сил старалась помочь, и какое же было счастье, когда я тоже находила мерзлые картофелины! Летом ходили на луг, собирали листья конского щавеля. Мама его набивала в чугунки и парила, потом делала из него лепешки и выпекала и мы ели его вместо хлеба. Помню, как осенью веяли семечки, я встала под струю семечек и они разлетелись, было весело, но за это получила подзатылину.

Помню, в нашу деревню пришла похоронка. Я с мамой пришла туда, в доме было много женщин и все плакали. Я

стояла в углу за большим цветком. Передо мной ходил мальчик лет пяти. Руки были сжаты в кулаки, он стучал ими и проговаривал: «Гитлер, фашист проклятый, он убил моего папку!». Я тогда не знала, кто такой Гитлер, но для себя усвоила, что он плохой, он убивает людей.

Вскоре пришла какая-то женщина, она взяла меня на руки и понесла к нам в дом. У нас в доме было много народу, меня взял на руки большой дядька и подкинул меня до потолка. Это был мой отец, он вернулся с фронта после победы над Японией. Потом он открыл свой чемодан, который был наполнен кусками сахара. Папа давал всем - всем по куску сахара. Мне было уже почти 4 года. Помню, как я завидовала старшей сестре, что она ходила в школу, а я нет. Я крадучись провожала ее до школы, а потом возвращалась. В это лето я уже помогала дяде Назару, папиному другу, полоть саженцы сосен на грядках. Дядя Назар давал за это горсть семечек и хвалил. Я пошла в школу в 1949 году. Папа купил мне ботинки, которые были очень большие. Я была рада, так как это были только мои ботинки. Когда я закончила шестой класс, летом мы всей семьей ходили на покос. Я училась косить траву, потом помогала старшей сестре собирать сосновую живицу.

Когда я училась в 4 классе, меня приняли в пионеры и подарили красный сатиновый галстук. В школе, утром, прежде, чем войти в класс мы строились на линейку и пели «Гимн». В комсомол меня приняли в седьмом классе.

Помню, директор школы сказал обо мне, что с ней можно идти в разведку, я знала, почему. В старших классах я училась в Боровлянке, Троицкого района. Каждую осень, на месяц в сентябре, мы выезжали на уборку урожая пшеницы и сахарной свеклы в соседнее село. Жили мы в клубе и вечерами выходили в ограду и пели песни о хлебе, трактористах, о полях хлебных. Жители села приходили и слушали наши песни, женщины плакали. В 9 классе меня избрали командиром сандружины, мы проводили игры, соревновались между классами. В 1959 году я закончила 10 классов. Летом этого года, нас, комсомольцев, направили в лесной участок собирать живицу. Я уже знала, как собирать, и когда все сдавали собранное, у меня было больше всех в

ведре. Не было покоя от овода, и мы мазались дегтем. У меня на левом плече была вмятина от тяжести 16-ти килограммового ведра с живицей.

Осенью этого года я уехала в Барнаул, устроилась работать на хлебозавод №1 рабочей, потом машинистом тесторазделочной машины. Была на доске почета в крайсовпрофе г. Барнаула. Проработала на заводе почти 4 года. В 1962 году вышла замуж. Стала жить с семьей в колхозе «Родина», Усть-Пристанского района. У нас родилась дочь Тамара, потом пошли внуки правнуки. Я с мужем Белоусовым Геннадием Трофимовичем прожила почти 40 лет. Оба были членами КПСС, принимали активное участие в жизни села, района, края. Но муж рано ушел из жизни после тяжелой болезни. Я в основном работала в школе учителем, заведующей д/садов и воспитателем. В 2001 году, через 20 лет я вернулась снова в село Чоя.

Казанина Нина Лукинична

Нина Лукинична Казанина родилась 8 августа 1933 года в посёлке Холодный Ключ в крестьянской семье. Её мама занималась хозяйством, а отец работал лесником. Нина была старшей из детей, а их народилось у родителей восьмеро. Когда ей исполнилось 4 года, её семья переехала в п. Югола.

В 1941 году Казанина Н.Л. пошла в 1 класс в с. Советское. Первую учительницу звали Тугаева Юлия Константиновна. Отца забрали на фронт, т. к. началась ВОВ. Жили в это время плохо. Есть было нечего. В деревне во многих семьях умирали дети от голода. Из воспоминаний Нины Лукиничны: «Как же было страшно, когда от голода твои сверстники пухли, а потом умирали... Горя было много. А в нашей семье мы почти все выжили благодаря нашей бабушке Ирине, которая в лесу собирала всякую траву, ягоды, всё это высушивала, а потом, в холодное время давала нам по

горсточке чего-нибудь, а мы плакали и просили ещё... В школу до самых морозов бегали босиком. В снег и дождь бежишь, мёрзнешь, добежишь до речки, в воде погреешь ноги и дальше бежишь до следующего брода».

В 1942 году отца списали из-за ранения, и он вернулся домой. В сельском совете он настоял, чтобы прямо в посёлке открыли школу. И школу открыли. И юголинских ребятшек с тех пор учили Майдорова Васса Васильевна и Нохрина Валентина Ивановна. Здесь Н.Л. Казанина. а тогда ещё Носкова, проучилась до 4 класса, в 5 класс пошла в селе Чоя. Закончила 7 классов и поступила учеником на телеграф «телеграфистом-морзистом», с тех пор проработала на телеграфе до 1988 года. Выполняла свою работу, как говорится «на совесть». Люди в деревне всегда с особым теплом вспоминают её обслуживание. Её никто и никогда не видел раздраженной или чем-то расстроенной. Все проблемы оставались за порогом её обожаемого телеграфа. Работу всегда очень любила, ещё в детстве в снах ей были видения о проводах, которые протянуты от дерева к дереву, а через них слышны разные голоса, хотя Нина Лукинична и понятия не имела о том, что такое телефон и что это за провода.

В 1950 году познакомилась Носкова Нина с Казаниным Василием Алексеевичем на том же телеграфе, где Василий после армии устроился работать почтальоном. Они полюбили друг друга и в 1951 году поженились. Жить поселились в п. Русаки. В 1952 году родилась доченька Рая. В 1955 - Вера, и только через 6 лет, в 1961, - сынок Владимир.

На сегодняшний день у Казаниной Н.Л. 10 внуков и уже 7 правнуков.

Казанина Раиса Игнатьевна

На берегу Чойки стоит небольшой домик, в котором проживает Казанина Раиса Игнатьевна – в прошлом начальник ВУС Чойской сельской администрации. В юности Раиса работала на сырзаводе продавцом в магазине.

«В январе 1968 года, - вспоминает Раиса Игнатьевна, - меня пригласили в Чойский сельский совет работать

в качестве начальника ВУС. Да, это не «женская» профессия, как мне говорили, но я подумала - ведь я сама мать, и лучше пойму ребятшек, с которыми работаю, а также и их матерей. Работала я с допризывниками: проводила беседы с мальчишками о службе, о том, в какие войска они хотели бы пойти служить, об их учебе, здоровье. А потом беседовала с родителями о здоровье их детей, об их навыках, о плохих и хороших привычках. В те годы как-то юноши хотели служить, стремились увидеть мир, нашу огромную страну. К нашему призывному пункту относились села: Чоя, Гусевка, Ускуч, Киска, Ишинск, Советское, Тунджа, Левинка, Средняя Тырга и Большая Речка. В зимнее время в некоторые села ездили на лошадях, запряженных в сани. Медицинские комиссии проводились в Майме. Вот так и работали - соберешь допризывников, дадут грузовую машину с лавочками в кузове, привезешь в Майму - всех пересчитаешь, отправишь на комиссию. После комиссии вновь соберешь всех, пересчитаешь, везешь в Чою, а нужно ребят еще и по домам, по селам как-то отправить, бывало и на тракторных тележках.

Военнослужащие, которые находились в запасе, проходили переподготовку в г. Бийске, многих возвращали - это считалась недопоставка. Приходилось ехать обратно и собирать других военнообязанных. И это не считаясь со временем, не считаясь с тем, что у нас были семьи, обязанности родителей.

Вот такая была работа начальника ВУС! Оформление документов на каждого допризывника, учет всего контингента военных, вернувшихся из армии. В те годы наши парни служили в Германии, Румынии, Венгрии, а сколько было моряков из наших сел! Был у меня такой случай - родители допризывника скрыли, что у парня больное сердце, уж очень ему хотелось служить в армии. Я увезла его в Майму, он прошел медкомиссию, а утром военком мне сообщил, что мальчишка умер - накануне вечером «отпраздновал» армейскую службу. Позже мама мальчика рассказала, что сын запретил ей рассказывать о его болезни. С тех пор я стала особенно скрупулезно работать не только с родителями допризывников, но и с учителями, классными руководителями, медицинскими работниками сел.

Позднее совхоз Чойский стал выделять на перевозку ребят грузовое такси, а позже появился и автобус, в отношении транспорта стало работать легче. Также в мои обязанности

входило обучение начальников ВУС в Ынырге, Каракокше, Паспауле, когда там открылись военно-учетные столы.

Вот так я проработала с 4 июня 1969 года до 22 октября 1984 года. А ведь, казалось бы, начальник ВУС - действительно, абсолютно не женская профессия, но я так не считаю. Женщина - она, прежде всего, мать, у нее есть особая чуткость, лучшие душевные качества. К каждому мальчишке - допризывнику нужен свой подход, ведь они все разные, каждый по-своему уникален. Да и уже взрослых мужиков забирали из семьи на учебу - на месяц, на два. Семьи тоже ведь разные. Нам приходилось сочетать в себе качества не только жестких организаторов, но и психологов, мы становились «второй матерью» для каждого мальчишки. А эти частые подъемы по военной тревоге! Собрать всех, посадить в машину, ехать со всеми в Майму - ...едешь и думаешь - а дома дети, бабушка, муж ещё из рейса не приехал... Но муж меня всегда понимал, если приходилось собирать людей поздно вечером, ночью, он всегда старался провожать меня до здания сельского Совета. Темень, грязь, дождь льет, как из ведра... кажется, сейчас таких дождей уж нет... всяко бывало, но я всегда любила свою работу, отдавала ей всю себя. Считаю, что это очень важно - любить свою работу, любить дело, которым занимаешься. И совершенно неважно, «мужская» это профессия, или «женская».

Куликова (Фролова) Александра Ивановна

Родилась 28 марта 1938 года в Чойском районе в деревне «Поросята», потом ее называли «Культура» в настоящее время село называется Советское.

Родители: отец Фролов Иван Яковлевич, мать Фролова (Суворова) Евдокия Емельяновна.

Военное детство было голодное, родители работали в колхозе, денег не платили жили со своего хозяйства, картошки накапывали по тысячу ведер. Держали корову. Но надо было платить налоги, за налог отдавали мясо. Молоко, яйца, овощи. Зарежут осенью быка и в семье оставались только потроха, голова да копыта, так тогда горько шутили – «роги да ноги». Сдадут картофель в колхоз, а его в гуртах и поморозят. Все сдавалось государству, в семье оставались крохи. Очень голодовали. В 17 лет только хлеба вволю

наелась. В войну родители работали в колхозе, мать дояркой и пояркой, еще и дети рождались в это время. Отец работал конюхом, для фронта выращивал коней и держал у себя до своей смерти коня. На фронт его не взяли из-за болезни глаз, почти слепой был, но для Родины и Победы работал не жалея себя и детей. Дети с раннего детства работали на сенокосе и работали там, куда колхоз пошлет. Одежды и обуви не было. Зимой холодно, летом паут заедал. За одно сданное яйцо давали одну конфетку «Дунькина радость», вот и делили ее на четверых пятерых детей. В школу ходили в Чою пешком. За 10 класс нужно было платить деньги, поэтому все лето работала у людей нянкой, что бы заработать денег. Люди жили бедно, помогали друг другу и не было ни какой зависти. Завидовать было нечему.

Вырастила трех детей. 40 лет трудового стажа, работала учительницей начальных классов, последняя работа в селе Сейка, Чойского района.

Для себя и не жила всегда были озабоченны житейскими трудностями близких и совсем чужих людей. В 2014 году ходила в больницу просилась полечиться, т.к чувствовала себя плохо болела. Но дважды было отказано в госпитализации, очень плакала от обиды.

Ленкин Василий Федорович

В селе Чоя, в уютном стареньком домике проживает Ленкин Василий Федорович труженик тыла, который всю свою трудовую жизнь отработал шофером в совхозе «Чойский». Василий Федорович в нашей душевной беседе рассказал о своем военном детстве. Вот его рассказ:

«Я родился 21 сентября 1931 года в красивейшем селе Нижний Буланак Кискинского сельского Совета. Родители: Ленкина (Трубина) Евдокия Васильевна и Ленкин Федор Борисович, работали в колхозе «Восход» Кискинского сельского Совета.

Семья была многодетной. Старшие трудились в колхозе, младшие бегали в начальную школу села Верхний Буланак, учительницей в школе в военное время работала Усова Клавдия Ивановна. В летнее время с мальчишками с раннего утра убегали на речку рыбачить или в лес по грибы и ягоды, а вечером стремились к пастухам, которые пасли скот. Вот так мы проводили свободное время. День 22 июня 1941 года вспоминается как море слез в селе. Кажется, что все село плакало. Мне в это время шел десятый год, был рослым мальчишкой. Из нашей семьи на фронт ушел отец и 2 брата. Весь тяжелый сельский труд обрушился на плечи женщин, детей и немощных стариков. У мамы на руках осталось трое детей. Она работала пояркой в колхозе, нужно напоить телят, вымыть посуду, вычистить клетки. Она прибежит домой накормит нас похлебкой из трав и мучки, соберет нас, и в поле помогать сеять или косить, или убирать сено. А дома, уже в по темноте, управлялась со скотиной и огородом. О выходных и праздничных днях люди забыли. Мы, дети, учились и работали в колхозе. Я косил и убирал сено, а долгими осенними ночами работал на току на молотилке, которую нужно было крутить вручную.

Весной на пахоте мальчишкам очень трудно управляться было с быками, на которых пахали и боронили. Быки с виду простые и неповоротливые, а как налетит овод, его не удержать. Как взбрыкнет - и летишь со спины быка! И как только Бог относил, что не под борону. Собирали хворост и на себе носили домой для топки печек. В зимнее время, придя

со школы, а в старших классах учились в Кискинской семилетней школе, возили сено, силос на лошадях, помогали дома маме. По ночам мама вязала на фронт варежки, а зимой стряпали пельмени, сушили картошку. В селе жили под девизом - «Все для фронта, все для Победы». Жили впроголодь, собирали коренья, сушили их, перетирали, добавляли немного полученной муки (если можно назвать ее так) и стряпали оладьи. Помню, какая радость была у нас, когда копали картошку, ведь это был второй хлеб. Из картошки и остальных овощей стряпались дранники. С ранней весны собирали пучку, русьянку, медунку, кандык, колбу, грибы, ягоды - все использовалась для питания. Иногда рыбачили. Нас мальчишек брала гордость, что приносим домой рыбу. Ведь мы без отцов старшие были, за хозяина дома. Трудно было смотреть на сельчан, когда в село приходила похоронка, как будто черная туча проносилась. Все село затихало вначале, а затем раздавался громкий надрывный плач с причитаниями. Все напасти кончились, когда пришло известие - война кончилась! Работал в колхозе после войны. Братья вернулись с фронта ранеными. В 1951 году весной меня призвали в ряды Советской армии. Служил на границе с Польшей в погранотряде вожатым служебных собак. В июле 1953 года перевели в воинскую часть под Челябинск сапером, здесь учился в стройбате на шофера. Вернулся из армии в декабре 1954 году в село Киска. Работал шофером на ферме в село Киска совхоза «Чойский». При создании машинно-тракторной станции пришлось переехать в Чою. Здесь я нашел вторую половинку Рябову Анну Ивановну, пекаря Чойского райпо. Потекла семейная жизнь, родился у нас сынок Сережа. Работали, пестовали сына, держали подсобное хозяйство. Вечерами, тогда телевизоров не было, изредка ходили в кино, на концерты в сельский клуб, посещали родственников и знакомых. У меня дома, когда подрос Сергей, была целая мастерская, приучал мальчишек разбирать и собирать технику. Мне было интересно заниматься с ними, чтобы они не болтались на улицах. Закончил работать в 1992 году. Обидно, что на старости лет остался один, жена умерла. Сын Сережа часто навещает меня, сделал ремонт домика. Я на прожитую жизнь не жалею. Да

и сейчас государство заботится о нас».

Нохрин Василий Лаврентьевич

Нохрин Василий Лаврентьевич, родился 7 февраля 1933 года.

Жили, конечно, тяжело, но дружно, не то, что сейчас, но не дай вам бог такую жизнь увидеть даже во сне.

Когда началась война, мне шел восьмой год.

Осенью я пошел в первый класс. Школу заканчивали до посевной. Приходил приказ - пахать поля. Мне давали пару лошадей, бороны, и я целыми днями бегал по полям за боронами. На коня садиться не разрешали, они и так много работали, кормились только ночью. Когда заканчивали боронование, ребят собирали на прополку хлебов. Сорной травы было много: осот, молочай. Только заканчивалась прополка хлеба, начиналась заготовка кормов. Снова садились на лошадей и возили копны сена. Осенью - уборка хлеба, возили снопы.

Очень хотелось кушать. Ели молотые отруби, заваренные кипятком, называлось это блюдо затирухой. А хлеб почти весь отправляли на фронт. Власть была «странная», ведь почему-то не разрешалось сажать в своем огороде какие-либо овощи больше нормы. Поэтому приходилось в лесу вскапывать делянки и засаживать их. Так же и сено для своей коровы косили в лесу, после работы.

Наверное, каждый смотрел картину «В бой идут одни старики», там герой сказал: «Посмотрите, как сразу постарели наши матери». И действительно - это ожидание держало всех в постоянном напряжении. Каждый день ждали: придет ли письмо от бойца, или придет похоронка. Помню, весна 1945 года была очень ранняя, рано началась посевная, и к 9 мая почти уже отсеялись. На полевые станы прискакали нарочные: «Победа!» Радость великая была. Наконец-то все закончилось. Многие плакали, практически не было семей,

где кто-то не погиб. У нас в семье погиб мой старший брат Спиридон. В честь Победы колхоз решил еще добавить посевов, думали к уборке еще мужики вернуться. Но уже потом никто в наш колхоз не приехал.

Война, она всегда одинакова: и Великая Отечественная, и Афганистан, и Чечня - всегда родители переживают за своих детей, находятся в постоянном ожидании. Мой сын воевал в Афганистане, и мы с женой два года ждали новостей. Иной раз даже боишься, когда почтальон идет, а в голове вопрос: какие вести он несет, плохие или хорошие? Это ведь очень страшно, когда родители хоронят своих детей. Нам повезло - сын вернулся живой. Я в свое время отслужил срочную службу в рядах Советской армии, вернулся домой, в родное село. Решил как-то изменить жизнь крестьянина и пошел работать в шахту на руднике «Веселый». Но дело молодое, вскоре женился на Меньшиковой Наталье Егоровне, и пришлось вернуться сначала в колхоз, а затем стал совхоз. Так всю жизнь и проработал трактористом на Советской ферме Чойского м/м совхоза. Вырастили троих детей. Имею четырех внуков, и три правнука.

Петерс Виктор Корнеевич

Родился 19.12.1936 года в Омской области станции Маскаленки в многодетной семье где воспитывали 7 детей.

Началась война мобилизовали отца. Мать повезла всех к бабушке в Полтаву жили до 41 года, немцы вошли в Полтаву. Жили до 43 года в оккупации. Осенью 43 года на военных машинах а затем в вагонах (в которых перевозили телят) повезли в лагерь. В вагонах не было ничего, они были абсолютно пустыми. Вагоны забивали полными, людям можно было стоять или сидеть. На каждый вагон выделялось по 2 охранника. Кормили одними сухарями, давали по одному кусочку в сутки. В результате поездки 30 % людей не доехали

до конца пути, ехали через Польшу в г. Побьеница. Жили в ангаре на бетонном полу, затем доехали до Германии Брайтон Гете. Привезли в ангар где на бетонном полу матери с детьми содержались. Каждый день начинался с построения, переклички. Номеров не было выколотых, а были нарисованные краской на плече. Кормили баландой из кольраби, шпината. Взрослые работали на стекольном заводе, который находился за 7 км.

Когда началась война, семья жила на Украине, в Полтавской области. Отца забрали на фронт, а мать с детьми уехала к своей матери в западную Украину. «Были в оккупации, — вспоминает Виктор Корнеевич, — два года, затем мать, четыре брата и две сестры увезли в Германию. Везли полгода, из Германии отправили в лагерь города Рудольштадт, это в Польше. В лагере - бетонные ангараы, спали на голом полу, все вместе, снег не идет - и то ладно. Ходили в деревянных сабо. Очень много людей умирало. Немного позже нас снова вернули в Германию, мать работала на стекольном заводе, остальных гоняли на различные работы. Весной 1945 года нас освободили американцы. Два с половиной года были в лагерях, привезли в Союз в город Брест. После проверки, оформления документов, отправили в Иркутск. После репрессировали, отправили в поселок Шуйский, жили в двухэтажных бараках. Я учился в школе, после работал на валке леса, до армии. В 18 лет ушел в армию, в подводники, позже служил в инженерно-технических войсках в Забайкальском военном округе. Переехал в Горно-Алтайск, женился на Евгении Терехиной в 1973 году.

В 1977 году переехали в Гусевку, пошел работать в совхоз скотником и трактористом. Работал в райпо электриком, затем в пожарной части села Чоя. Сейчас на пенсии».

Рассолов Матвей Александрович

Рассолов Матвей Александрович родился 23 мая 1939 года в селе Покровка. Ныне село не существует.

Когда началась война, мне было всего два года, поэтому ничего не помню. Да и отца своего Рассолова Александра Григорьевича тоже не

помню, он в 41 ушел на фронт и пропал без вести. По рассказам матери знаю, что он был маленького роста, работал в колхозе кузнецом, был глух на одно ухо. Подвыпив, он начинал хорохориться, тогда звали мать, она брала его под мышку, и несла домой, только руки - ноги болтались. Он ее никогда не обижал.

На фронт его не брали сначала, но он чего-то повздорил с председателем колхоза и тот его отправил в военкомат. До фронта отец так и не доехал, эшелон разбомбили по дороге. Нас у матери осталось пятеро ртов. Во время ВОВ брат с сестрой померли, и она поднимала нас троих: Виктора, Константина и меня. Было очень голодно, мать постоянно на работе, старшие братья тоже, я, с такими же мальцами, сами добывали еду. Ели все что попадалось: медунки, пеканы, пестики, гусинки, собирали яйца из птичьих гнезд, из рогаток стреляли дроздов, ловили рыбу в речушке. Все шло в дело. Еще и братьям с матерью что - то приносил.

А вот день Победы запомнился, люди бежали с поля (плачет) кричали, смеялись и плакали. Я очень сильно боялся, почему то думалось, а как же дальше-то жить будем. А дальше было не намного лучше, до сыта-то питаться стал только в армии.

После службы женился, стал работать в совхозе Чойский на Советской ферме сначала разнорабочим, затем трактористом. Моя жена Рассолова Анфиза Кузьмовна. воспитали троих детей. Сегодня имею семь внуков и четыре правнука.

Прекрасное далёко

Высоцкая Галина Григорьевна*1

Мой отец Григорий Белозерцев в 1958 году получил в обкоме партии назначение в Чойский маслосырзавод. И вот хмурым октябрьским вечером наша семья с нехитрым скарбом выгрузилась у небольшого ветхого домика, стоявшего недалеко от моста через реку Чойка, напротив сырзавода. Семья наша была большая: пятеро детей, бабушка да отец с матерью. При свете керосиновой лампы мы начали

обживать своё жилище.

На следующий год на месте ветхого домика уже стоял новый дом, огромный, крестовый. Он и поныне стоит, только уже не кажется таким огромным. В том доме прошли лучшие годы моей жизни... Всё, что происходило вокруг, в моей детской жизни, в семье, в деревне, в СССР – всё было проникнуто счастьем, дружбой, верой в светлое будущее, гордостью за свою Родину.

Соседи наши, Штановы, Часовниковы, Рахмановы, Юрковы и Побегаетовы дружили между собой. Дети их сутками пропадали друг у друга. Заботы, проблемы, дела – всё было общее. Дома строили сообща, сенокосы – вместе. Праздники, а их было тогда не так уж и много, проводились шумно с общими застольями, с песнями и гармошкой. Особенно помнятся выборы. Над селом буквально нависало торжество. Через репродуктор в центре деревни лилась торжественная музыка. Было шумно и весело. Родители с выборов возвращались с гостинцами.

Остался в памяти тогдашний маслосырзавод и не только потому, что там работал мой отец. Сырзавод славился своими сырами и маслом далеко за пределами Горно-Алтайской автономной области, хотя оснащение производства было убогое, в основном, ручная технология. Холодильников не было. С зимы над подвалами намораживали глыбы льда, заваливали лёд опилками и отрицательная температура обеспечивалась на всё лето – в подвалах хранилось даже мороженное.

В пятидесятые годы партия строго следила, чтобы на всех участках народного хозяйства её ставленники улучшали жизнь простых людей и их благосостояние. На своём горбу они и те, кто работал рядом с ними, подняли страну из послевоенной разрухи, спасли народ от голода. Режим труда был сталинский – нельзя опаздывать на работу даже на пять минут. Работа – это всё...О доме, о семье – в последнюю очередь.

В те годы впервые для советской экономики в сельском хозяйстве применили хозрасчёт и Чойский совхоз резко вырвался вперёд по всем производственным показателям. В этом была и заслуга коллектива, которым руководил мой

отец.

Чоя... Чоя – чаша, окружённая сопками и горами, накрытая невесомым прозрачным куполом неба, наполненная светом и солнцем, ты притягиваешь к себе таких же светлых и сильных людей!..

Кудряшов Григорий Александрович *1

Мои самые ранние детские ощущения связаны с Уйменской долиной, с населёнными пунктами Нижняя Чиста и Уймень. Когда в конце пятидесятых годов на смену укладу жизни, основанному на лошадиной тяге, пришла техника и тайга подверглась агрессивному наступлению лесозаготовителей.

Помню, как однажды вечером что-то непривычно загудело за околицей Нижней Чисты, заглушая шум уйменских перекатов. Звук нарастал, заставляя домашних животных насторожиться у дымокуров. И вот из-за зелёной стены ельника показался трактор. Его рокот прокатился оглушительной волной по умиротворённой природной идиллией деревушке. Коровы так испугались появления железного «чудовища», что по жердям разнесли поскотину, примыкавшую к огороду моего деда Немнона Трифоновича Коркина. И люди, каждый по своему, восприняли первое появление трактора. Набожные старушки перекрестились, малыши потянулись на руки к взрослым, а пацаны, раздираемые любопытством, побежали навстречу трактору.

Так, лесозаготовительная техника с шумом и грохотом ворвалась в Уйменскую долину, принося ей больше минусов, чем плюсов. Прежде люди неторопливо жили в долине от устья Уйменя в Саракочшу и до самых его верховьев. Брали от природы самую малость, не причиняя ей никакого вреда. Держали скот и пчёл, промышляли зверя, ловили рыбу в реке, собирали кедровые шишки.

В Нижней Чисте во времена её расцвета было около двадцати дворов. Жили в основном староверы, тщательно сохраняя старые традиции православной веры. Они-то и начали корчевать кедровую тайгу, готовить сенокосы и пашню.

Мой дед вместе с семьёй в Нижнюю Часту переехал в 1938

году. Рядом с дедом через родниковый ручей жил дедушка Калинин. Особенно помнится бондарка с её запахом кедровой смолы, грудями стружек, в которой детвора любила кувыраться. Как из-под фуганка деда сыпались всё новые и новые завитки...

Наш домик стоял недалеко от протоки. Я часто приходил на берег и любовался движением воды. Однажды на моих глазах соседка вилами заколола огромного тайменя. Она полоскала бельё и увидев, как царь-рыба поднимается по мелкому перекату успела сбегать за вилами. Отец часто брал меня проверять морды – своеобразные ловушки для рыбы из ивовых прутьев. Когда он вынимал морду из воды, в ней всегда бились хариусы, переливаясь изумрудной чешуёй. Часто попадались ускучи и таймени. Рыба тогда в Уймене было очень много. Лишь потом, когда для удобства сплава загребли все протоки и реку загнали в одно русло, о прежних уловах стали только вспоминать.

Помню, в детстве нашим излюбленным маршрутом была гора Плешивая. Когда удавалось подняться на её лысую и каменистую вершину, открывались такие просторы, что земля казалась просто необъятной! На юге и востоке возвышаются вершины гольцов, блестя на солнце снежными шапками. Не менее удивляла синь тайги.

На Плешивой было много черники. В то время никто из нас даже представить не мог, что через годы туда можно будет проехать на «Жигулях» и собирать ягоду прямо у обочин дороги. Но это уже будет другое время и другие оценки прошедших и происходящих событий...

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ А.В. АНОХИНА

ЦЕЛЕБНЫЕ ИСТОЧНИКИ
(Записано в селе Ынырга в 1925 году)

В одно время жил на Алтае богатырь. Богатырь был очень коварный и имел буйный характер. Он все время сражался с алтайцами. Алтайцам никак не удавалось убить этого коварного богатыря. Как-то раз они застали богатыря врасплох и чуть было не убили. Но богатырь вывернулся, вскочил на своего быстрого коня и был таков.

Скачет вихрем богатырь, но скачут за ним и его преследователи. Мчит конь богатыря по долинам и горам, по дремучей тайге и топучим болотам. Вдруг на пути богатырского коня встало глубокое ущелье. Конь птицей перелетел через него и замертво упал, а богатырь вмиг превратился в облако. На глазах преследователей из этого облака хрустальным потоком хлынула вода на дно ущелья. Преследователи добравшись до лошади богатыря, с озлоблением начали ее рубить. Но из ран её лилась не кровь, а вода, которая также стала стекать в ущелье. Преследователей одолела сильная жажда, и они стали пить эту воду. Испив воды, вдруг увидели, что у них затянулись все раны и исчезли все болезни. Вот так и появились целебные источники, особо почитаемые у алтайцев как источники чудодейственной силы, энергии и молодости — Аржан суу (Живой источник).

МЕДВЕДЬ И ПТИЦА

(Записано в селе Уймень в 1925 году)

В густой непроходимой тайге, среди бурелома жил старый медведь. Жизнь научила его быть запасливым. У него всегда были орехи.

Как-то раз над жильем медведя пролетала огромная черная птица. Она была очень голодная, так как в лесу уже не стало никакой пищи. Птица с завистью смотрела на вороха кедровых шишек у медведя. Она знала, что медведь не поделится с ней своими запасами, и тогда птица пустилась на хитрость и обман. Подлетев к берлоге медведя, опустилась на землю и говорит: «Хочешь, я тебе покажу место, где столько орехов, что тебе хватит не на одну зиму? Ты иди в эту сторону, а я полечу и буду тебе показывать дорогу». Медведь поверил птице и скорей побежал по указанному пути. А

хитрая птица, тем временем, склевала весь медвежий запас кедрового ореха.

Кружил, кружил медведь по тайге и не нашел ни птицы, ни орехов. Устал медведь, проголодался, кое-как добрал до своей берлоги, а там — одни пустые шишки! Разозлился медведь на птицу за такой обман и воровство, и проклял ее.

С тех пор из красивой черной птицы она сделалась маленькой и серой. И иногда в пении этой птички слышится — «хо-о-чешь, ореш-ки-и!»

О БАРСУКЕ

(Записано в селе Уймень в 1925 году)

У Зверя зверей (Панан-панысты) было семь сыновей: Карагула (Лев), Бар (Тигр), Айу (Медведь), Барсук, Бёрю (Волк), Шюлюзин (Рысь) и Тюлкю (Лиса). Известно, что все братья жили в дружбе и согласии. Однажды, все семь братьев решили устроить охоту на Марала (Сыгын). И вот, идя по тайге, они наткнулись на спящего Марала. Братья остановились и заспорили, кому идти на Марала первому.

Тут выскочил вперед Барсук и говорит: «Я пойду первым, я старше вас всех летами». Братья посмотрели на него, и никто не стал возражать. Барсук, получив молчаливое согласие, стал подкрадываться к Маралу. Он немного прополз, обернулся и спрашивает: «Как, братья, у меня хвост?». — Те ему в ответ: «Торчит твой хвост». Барсук поджал свой хвост и пошел дальше. Но, пройдя несколько шагов, опять обернулся и спрашивает: «Каковы у меня глаза?». Братья ответили ему вновь: «Маленькие стали». Тогда Барсук смело стал подходить к Маралу, надеясь показать свою удаль перед братьями, какой он ловкий и сильный и не боится большого зверя. И только подумал он об этом, как Марал проснулся и встал на ноги. Увидев подкрадывающегося Барсука, он как его ударил задними копытами и был таков. От такого сильного и неожиданного удара Барсук далеко улетел в кусты, а когда оправился и выполз оттуда, то на его голове не оказалось шерсти. Таким он и предстал перед братьями.

Видя такую картину, все братья-звери дружно рассмеялись. Льву и Тигру, Медведю и Волку, Рыси и Лисе стало досадно, что Барсук упустил Марала, да еще и сам сильно пострадал,

вызвавшись идти на охоту первым. «Эх! — сказали братья, — Сам не предвидел, что останешься лысым». В горах Алтая до сих употребляется эта поговорка. В том случае, когда желают укорить хвастуна или самоуверенного человека, обычно говорят: «Эй, брат! Барсук-то, сам не знал, что будет лысым! Неужели не знаешь, что есть такая поговорка?!

ПЕСНИ И БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

(Записано от П.Келишева, Челюш-Кара в Уймене,
сентябрь 1909 г.)

(Литературный перевод А.Анохина)

*В логгах растущая трава,
Подобна в руке поводку.
Смежно живущие юрты,
Подобны сгустившимся звездам.
Под тенью растущие травы,
Как поводок в руке предо мной.
В соседстве живущие люди,
Подобны звездам в ясную ночь.*

* * *

*Красная вода из горных лесов —
Хороша для китайского чая.
Все народы, пьющие чай
Живут и имеют здоровье.
Красная вода, бегущая с гор,
Подобна румяному поясу.
Алтай мой, поросший Азынганом —
Дети мои пахнут вереском.
По переходу к русскому царю —
Исправно стали жить,
По переходу к казанскому царю —
Жили милуемы.*

* *

(Бнырга, 1909 год, сентябрь)

*Благословение богу Алтаю,
Создавшему нам хлеб и соль,
Челобитие Отцу-Царю,*

*Избавившему нас от голода —
Благославенны завсегда!
Славим, славим завсегда!*

** * **

*Весною рыба плавает
Подле берегов рек —
Все красавицы играют здесь.
Осенняя рыба плавает
Подле берегов рек —
Темнобронзовые красавицы
Играют здесь.
Пусть «чиргий» (самолов),
Поставленный на горностая —
Кажется красивее горностая.
Из племени Взятая подруга —
Будет красивее племен.
Пусть «чиргий»,
Поставленный на соболя —
Кажется красивее соболя.
Эта подруга,
Найденная среди людей —
Будет красивее людей.*

** * **

*Хотя с ярами, но все-таки
Есть у нас речка.
Хоть плохой, но есть
У нас аил (селение).
Имеет солнце и месяц —
Царь-ясный (небо).
Создавший нитяную душу нашу
Самодержец — голос данников
Царь Империи!
Мы живем хорошо!
Благодаря милости
Бога и Царя!*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот уже почти пять лет нет с нами этого замечательного Человека и Гражданина своей Родины – Владимира Григорьевича Бахмутова.

Теперь *Там*, наверное, он познает мудрость и печаль, а Природа, прислонясь к его могучим плечам, раскрывает ему свои секреты. А мы должны на своих плечах нести вечность его деяний и вникать в них, совершенствуя себя и свою душу.

Он был настоящим другом и наставником во всех наших начинаниях отделения Петровской академии наук и искусств Республики Алтай, членом которой он был. И в нашем сердце звучат грустные и глубоко символические слова:

*Друзья уходят как-то невзначай...
Друзья уходят в прошлое как в замять...
А мы смеёмся с новыми друзьями,
а старых вспоминаем по ночам...
А старых вспоминаем по ночам...
Но не прервать связующую нить!
Она дрожит во мне, но не сдаётся.
Друзья уходят, что же остаётся?
Друзья уходят, кем их заменить?*

Свои дела, свое сердце и душу он оставил людям. Окажемся ли мы благодарными потомками? Поймем ли мы, что культура, к которой он не просто имел отношение, а был непосредственным ее творцом, была и есть таинственное единство, в котором прошлое и будущее живут в настоящем? Если поймем, то останется сделать еще один шаг к осознанию необходимости увековечить этого славного сына Алтайской Земли нашей.

Настоящая личность не нуждается в искусственном возвышении, она значительна и интересна сама по себе. Мы должны осознать глубокую философскую мысль о том, что все в мире покроется пылью забвенья, но творения людей искусства, таких как Владимир Григорьевич, не знают ни смерти, ни тленья...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Автобиография

Корни.....

Родительский дом

Печь

Соседские пельмени

Деревенька моя

Река моего детства

Встреча с Шукшиным

Посылка

На Ангаре

Чемальская ГЭС

Радуга

ТОВАРИЩИ ПО ПЕРУ

Городецкий Е. Трудный путь к читателю

Каинчин Д. Сын тайги черневой

Шастина Т.П. Владимир Бахмутов - писатель сибирский

ЗЕМЛЯКИ

Певцы земли чойской

Кушнаренок В.Г. Великий кайчи

Хохолков В.Ф. Алтай мой – ветер аргымак

Коля-Коенок

Огненные вёрсты

Парень из глубинки

Воздушный ас

Детство, опалённое войной

Бабандыева Р.Б.

Бедоусова Р.А.

Казанина Н.Л.

Куликова А.И.

Ленкин В.Ф.

Нохрин В.А.

*Петерс В.К.
Рассолов М.А.*

Прекрасное далёко

*Высоцкая Г.Г.
Кудряшов Г.А.*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ А.В. АНОХИНА

*Целебные источники
Медведь и птица
О барсуке
Песни и благопожелания*

Послесловие.....

Список источников, использованных в книге:

1. Чойская летопись. Сост. В.Г. Бахмутов. Горно-Алтайская республиканская типография. – Горно-Алтайск, 2005. – 372 с.
2. Хохолков В.Ф. Мой Алтай, обнимаю тебя. Избранное. Т.1 /под ред. А.И. Гурьева. – Барнаул; Горно-Алтайск: ИП Колмогоров И.А., 2015. – 264 с.
3. Как это было: Сборник / под ред. А.И. Гурьева. – Барнаул ; Горно-Алтайск: ИП Колмогоров И.А., 2018. – 500 с.

Фотодокументы, использованные в книге:

1. Фотографии из личного архива Бахмутова В.Г.
2. Фотографии из личного архива Гурьева А.И.

НЕ ПРЕВАТЬ СВЯЗУЮЩУЮ НИТЬ...

СБОРНИК

Автор-составитель Александр Иванович Гурьев

Под редакцией А.И. Гурьева

Компьютерный набор: Даго А.В.

Корректоры: Гайсина Надежда Николаевна,
Ширяева Римма Михайловна

Литературный редактор: Шастина Татьяна Петровна

Вёрстка: ????

Дизайн обложки: Белозерцев П.Г.

Подписано в печать 18.09. 2018 г.

Формат 60x84_{1/16}. Объем усл. печ. л. . Тираж 100 экз.

Заказ № 247. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии ИП Колмогоров И.А.

656049, г.Барнаул, пр-т Социалистический, 85.

т/ф (3852) 36-82-51.